

Народные мемуары
X

Лидия Константиновна
ЗУБРИЦКАЯ

Министерство образования и науки Российской Федерации
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Ф.М. Достоевского

Судьбы раскулаченных семей
в мемуарах Л. К. Зубрицкой
«Отец мой был природный пахарь...»
(К истории коллективизации в Сибири)»

Публикация и исследование текста

Омск
издательство Омского государственного университета
2015

Судьбы раскулаченных семей в мемуарах Л. К. Зубрицкой «Отец мой был природный пахарь...» (К истории коллективизации в Сибири)»: Публикация и исследование текста / Предисловие и комментарий Б. И. Осипова. Омск, 2015. (Нардные мемуары – X).

Р е ц е н з е н т ы :

заведующий кафедрой

современной отечественной истории и историографии

Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

доктор исторических наук профессор В. П. КОРЗУН

Н а о б л о ж к е : Вид Красноярской ГЭС.

Предисловие издателя

МЕМУАРЫ Л. К. ЗУБРИЦКОЙ И ИХ МЕСТО В СЕРИИ «НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ»

О серии «Народные мемуары» и о её X выпуске

Серия воспоминаний простых людей «Народные мемуары» выходит с 1995 года, то есть началась двадцать лет назад, так что данный X выпуск является дважды юбилейным.

Серия привлекла внимание не только рядовых читателей – к ней проявили интерес Институт мировой литературы Российской академии наук¹, журнал «Знание – сила»², общество «Мемориал»³, специалисты ряда учебных заведений Петербурга, Кемерово, Кургана, Перми и других городов – историки и филологи⁴.

¹ См.: Местергази Е. Г. Документальное начало в литературе XX века. М., 2006.

² См. публикацию отрывков из IV выпуска с редакционным предисловием: Григорий Еланцев. Дневник рядового // Знание – сила. 2005. № 5.

³ Заказы на те или иные выпуски серии поступали из Московского и Красноярского отделений этого общества.

⁴ См.: Лебедева Н. Б. Рец.: История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова: Публикация и исследование текста / Предисловие и комментарий Б. И. Осипова и Е. А. Рониной. Омск, 2012 // Юрислингвистика. 2012. № 1; Минаева А. П. «Наивная литература»: творчество и стереотипы // Традиционная культура. 2003. № 2; Порозов В. А. В поисках совети. (О книге: Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. Астафьева «Записки изгоя»: Публикация и исследование текста / Предисловие и комментарий Б. И. Осипова. Омск, 1998) // Вестник Омского университета. 2000. № 4; Пундани В. В. Послесловие историка // Осипов Б. И. История СССР в семейных фотографиях: Страницы строительства коммунизма. Омск, 2011; Он же. Родники земли юргамышской // Астафьева Л. А., Плотников С. В. Суждённое не случайно. Юргамыш, 2011; Харченко К. В. Власть – имущество – человек: Передел собственности в большевистской России (1917 – 1921). М., 2007; Черницына С. А. Отражение говора Курганской области в автобиографических записках крестьянина В. А. Плотникова // Наука и образование Зауралья. 2007. № 1, и др.

Говоря об этой серии, не могу не упомянуть имя курганского краеведа Сергея Васильевича Плотникова, который стоял у её истоков: именно с мемуаров его отца она и началась, причём сначала я и не предполагал, что дело выльется в целую серию книг, но интерес читателей к первому выпуску заставил меня подумать о продолжении такого рода публикаций, и у коллег (прежде всего у историков: профессора Н. А. Томилова, профессора В. П. Корзун и др.) эта идея нашла полную поддержку.

Надо сказать, что, начиная со второй половины 90-х годов, публикации подобного рода стали появляться и во многих других местах, и хотя зачастую такие книжки не имеют должной научной подготовки, однако это знаменует явное возрастание общественного интереса, во-первых, к документальной литературе и, во-вторых, к воззрениям простых людей на перипетии нашей истории. Словом, наша серия оказалась в каком-то смысле знаменем времени.

К сожалению, условия её выпуска усложнялись год от года. Речь идёт не о материале: материал как раз не только не иссякал, но и становился всё обильней. Речь идёт прежде всего о финансировании издания. Первый выпуск – «Автобиографические записки сибирского креститянина В. А. Плотникова» – финансировался из средств федеральной целевой программы «Народы России: возрождение и развитие». Был включён в эту программу и второй выпуск – «Воспоминания работницы М. Н. Колтаковой «Как я прожила жизнь», – но пока шла его редакционная подготовка, программа была закрыта, и публикацию пришлось оплачивать из средств самого издателя, благо в то время мне была назначена на три года стипендия Российской академии наук. Третий выпуск – «Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. Астафьева «Записки изгоя» – финансировался спонсором – курганским предпринимателем Е. А. Плехановым. Также на средства спонсора – омского предпринимателя С. П. Калинина – и частично на внебюджетные средства кафедры исторического языкознания Омского государственного университета была выпущена и четвёртая книга серии – «Солдатские воспоминания

Н. Ф. Шульгина и Г. П. Еланцева». Пятая книга – «Воспоминания А. Н. Белозёрова «Записки районного служащего» – финансировалась и вовсе самим мемуаристом (кстати, не дожившим до её выхода в свет) и лишь частично – той же кафедрой Омского университета. Выпуски шестой – «Мемуары врача К. Г. Акелькиной», седьмой – моя книга «История СССР в семейных фотографиях» – и восьмой – «История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова» – финансировались из централизованных внебюджетных средств Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского и из внебюджетных же средств факультета иностранных языков этого университета (напомню, что средства эти складываются в основном из платы за обучение, которую вносят поступившие на коммерческие места студенты, то есть по сути дела издание осуществлялось на деньги студентов). Наконец, девятый выпуск – «Пути российского крестьянства в документальном автобиографическом романе Л. Л. Потокина «Судьба ветерана» – снова, как и второй, оплачивался мной самим.

Из-за той же финансовой причины – и только из-за неё – неуклонно сокращается и тираж: с 400 экземпляров в первом до 100 в девятом и десятом выпусках.

Из всего сказанного можно сделать печальное, но весьма вероятное предположение, что данный выпуск окажется не только юбилейным, но и последним.

Что касается содержания предлагаемого читателям выпуска, то оно перекликается с содержанием седьмого – книги «История СССР в семейных фотографиях» – и является дополнением и продолжением истории одной из семей, вкратце рассказанной в названной книге⁵. Конечно, дополнены не только обстоятельства семейной жизни, но и, прежде всего, те события в жизни страны, на фоне которых происходили те или иные переипетии в жизни семьи.

⁵ Осипов Б. И. Указ. раб. С. 13 – 18.

Воспоминания Л. К. Зубрицкой с историографической и филологической точек зрения

Воспоминания Лидии Константиновны Зубрицкой весьма невелики по объёму, зато, как и названная уже книга «История СССР в семейных фотографиях», снабжены большим количеством фотоиллюстраций. Заставить «заговорить» старые снимки – важная задача мемуариста, да и историка вообще. Одежда и вообще внешний вид людей разного социального статуса, домашняя обстановка минувших лет – всё это предстаёт на фотографии гораздо более зримо и конкретно, чем в любом чисто словесном описании⁶.

Что касается исторического периода, то мемуары охватывают временной промежуток с начала XX столетия и до начала XXI. Мемуаристка родилась в 1939 году, так что более ранние события излагаются по рассказам близких, но описание периода с 40-х годов и до наших дней – её личные свидетельства.

Несколько слов о стилистических особенностях воспоминаний. Мемуаристка долгое время работала на всякого рода низовых управленческих должностях, преимущественно в лесной промышленности, и поэтому, хотя и владеет литературным языком, но, разумеется, не обладает литературным опытом. В силу своей профессии она имеет многолетний опыт официально-делового общения. Это не могло не сказаться на стилистике её повествования. Мемуары большей частью представляют собой простое перечисление событий, происходивших с упоминаемыми в них персонажами: кто где и когда учился, работал, в каком месте жил, когда, куда и по какой

⁶ О значении иллюстративного материала в мемуарной литературе см. подробнее: Осипов Б. И. Семейные фотографии как элемент историографии // Социальная мобильность в традиционных обществах: история и современность: Материалы Всероссийской научной конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения профессора М. М. Мартыновой и 100-летию со дня рождения профессора Б. Г. Плющевского. Ижевск, 2012. С. 383 – 386.

причине переехал и т. п. Мемуаристка почти не касается обстоятельств своей личной жизни, не считая разве что пары беглых упоминаний о тяжёлой инвалидности сестры, хотя обстоятельства эти зачастую были весьма драматичными (в частности, из-за них сорвалась защита готовой уже кандидатской диссертации). При всём том мемуары представляют немалый интерес для читателя, интересующегося тем, как политика властей отражается на семейных судьбах в разные (самые разные) периоды истории нашего многострадального народа.

Если резюмировать содержание мемуаров в одной фразе, то можно было бы сказать, что это рассказ о непреходящей, на удивление устойчивой жестокости российской власти – всякой, от царского самодержавия до коммунистической диктатуры и до современной «демократической» олигархии.

История родительской семьи Лидии Константиновны начинается с того, что мать её отца, овдовев, двух из своих шестерых детей, в том числе будущего отца мемуаристки, отдаёт на воспитание в бездетные семьи. Конечно же, этот шаг ей приходится сделать потому, что в условиях царской России не приходилось и думать о какой-то социальной помощи многодетным семьям со стороны государства.

Ну, а сибирское поселение польской семьи Зубрицких тоже связано с беспощадностью самодержавия: это были потомки поляков, ещё в XIX столетии сосланных царским правительством в Сибирь после расправы с восстанием полтского народа, стремившегося к национальной независимости.

И вот – социалистическая революция. Всеобщие надежды на торжество народной власти, на благие перемены и социальную справедливость. А что в результате? Прошло немногим более десяти лет, и партия, которая ещё недавно поддерживала Советы рабочих и крестьянских депутатов, лишилась их власти: под вывеской власти Советов сложилась диктатура партийной верхушки, а эта верхушка в условиях однопартийной системы стала быстро бюрократизироваться и перерождаться по сути дела в новый

эксплуататорский класс. Сталинская коллективизация как раз и стала первым ярким проявлением этого процесса.

Надо сказать, что и лозунг коллективизации, и лозунг ликвидации кулачества как класса вполне отвечали тогдашним народным устремлениям. Тяга к коллективным формам обработки земли объяснялась уже появлением механизации сельского труда: крестьяне объединялись в кооперативы и коммуны, чтобы, например, совместно купить трактор, недоступный по цене крестьянину-одиночке, совместно организовывать работу сельской мельницы и т. п.⁷ Но колхозы на деле оказались вовсе не кооперативными объединениями, а формой государственного крепостничества. Достаточно упомянуть, что паспорта у колхозников появились только в послесталинскую эпоху а отсутствие их не давало возможности никуда уехать из своей деревни, то есть крестьянин был прикреплен и к земле, и к своему колхозу. Что касается кулачества, то теперь иные историки готовы уверять, что никакого кулачества вообще не было. Это, конечно, нетак. Кулаки-мироеды, грубо и алчно эксплуатировавшие батраков, существовали и пользовались активной неприязнью односельчан. Но таких было немного, а в пору коллективизации в кулаки зачастую попадали действительно самые работающие крестьяне. По тогдашнему закону признаком кулака считалось использование наёмной рабочей силы (батраков). Но при наличии одного-двух работников эти наёмные крестьяне зачастую превращались по сути дела в членов семьи, и в этих случаях ни о какой «беспощадной эксплуатации» говорить не приходилось. Именно так обстояло дело в семье Зубрицких. Поневоле приходилось нанимать работников и семьям с большим количеством детей, не достигших трудового возраста: такие семьи для пропитания детей держали большое количество скота, требующего ухода и заготовки кормов. Так была раскулачена, например, многодетная семья Михаила Яковлевича Осипова в селе Кислянке Курганской области⁸.

⁷ См. об этом, напр.: Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова. С. 151 – 154.

⁸ Указ. раб. С. 164.

Но это всё-таки было раскулачивание, с позволения сказать, на законном основании. А ведь раскулачивали и просто зажиточных крестьян, которые жили исключительно собственным трудом, если у них была лишняя голова скота, или какая-либо сельхозмашина, а иной раз, как об этом пишет и наша мемуаристка, даже просто самовар либо иная более или менее ценная вещь.

Короче говоря, правильные как будто лозунги на деле вылились в погрязающие факты социальной демагогии и тотального ограбления народа.

Естественно, что большое место в мемуарах занимают рассказы о трудностях предвоенных, военных и послевоенных лет. В частности, мемуаристка рассказывает о постоянном финансовом обирании народа. Тут, правда, хотелось бы уточнить некоторые детали. Так, из изложения мемуаристки не совсем ясно, что денежная реформа 1947 года была конфискационной. Да, советские деньги довоенного образца в годы войны сильно обесценились – как по причине острой нехватки продуктов питания и товаров первой необходимости из-за перестройки народного хозяйства на военный лад, а отчасти и из-за того, что фашисты на оккупированных территориях пустили в оборот большое количество фальшивых советских денег. Но в ходе реформы деньги обесценились ещё и потому, что обмен 1 рубль к 10 проходил по конфискационной схеме. Например, если вчера булка хлеба стоила 5 рублей 40 копеек, то в день реформы на старые деньги она стоила уже 54 рубля! Иначе говоря, имевшиеся у населения деньги сохранили только 10% покупательной способности, и без того низкой. Некоторое послабление было сделано только для денег, хранившихся на сберегательных вкладах: суммы менее 3000 рублей обменивались один к одному. Кроме того, в 1947 – 1952 годах проводилось ежегодное снижение цен (в основном незначительное). Но конфискация доходов была тем не менее налицо.

Рассказывает мемуаристка и о таком приёме ограничения доходов населения, как подписка на государственные займы. Как справедливо сказано в мемуарах, объявленное в 1957 году замораживание выплат по займам на деле оказалось не замораживанием, а конфискацией.

То же самое относится и к замораживанию сберегаемых вкладов уже в новейшее время, в 1992 году: теперь уже ясно, что это тоже конфискация, поскольку грошовые выплаты, сделанные по вкладам в 90-х и 2000-х годах, как справедливо замечает мемуаристка, не покрывают и одного процента реальной стоимости вкладов, какой она была в 1991 году.

Из других событий послевоенного времени, упомянутых в мемуарах, стоило бы пояснить причину, по которой один из родственников мемуаристки, призванный в армию в 1945 году, служил семь лет. Речь идёт не о добровольной сверхсрочной службе – нет, солдаты последнего военного призыва были задержаны в армии на столь длительный срок по той причине, что Советское правительство хотело иметь армию, обладающую боевым опытом, в условиях начавшейся в 1946 году холодной войны (сегодня уже приходится говорить: первой холодной войны). Эта война была объявлена тогдашним премьер-министром Великобритании Черчиллем в его печально знаменитой фултонской речи и подхвачена англо-американскими правящими кругами и их союзниками, что вскоре (в 1949 году) вылилось в создание военного блока НАТО. И, конечно, отвлечение большого количества мужчин от работы по восстановлению и развитию народного хозяйства на обеспечение оборонных потребностей страны было ещё одной трудностью, которую приходилось преодолевать нашим людям.

Разумеется, все эти трудности были общими для всего советского народа, но для ссыльных они усугублялись ещё и суровыми климатическими условиями сибирского Севера и теми унижениями, которые приходилось терпеть этим людям как спецпоселенцам.

При всей суховатости и нейтральности повествования некоторые эпизоды не могут не вызвать особого чувства. Глубоко удручает, увы, обычное в нашей стране безобразное отношение к памяти погибших и умерших. Чего стоит эпизод, когда Лидия Константиновна с жёнами в поисках могилы её брата, умершего в военном госпитале, приезжают в Брянск и видят, как на старом кладбище мальчишки пинают черепа и кости покойников: кладбище разорено, так как городская администрация решила

его переоборудовать под... танцплощадку! Как видим, дело не только в отношении властей: ведь этих мальчишек воспитывала не городская администрация, а родители и школа. То есть речь идёт о глубоко введённой традиции, характерной для самого широкого круга наших соотечественников.

Другой эпизод, невольно привлекающий особое внимание, – это рассказ о смерти И. В. Сталина. Я имею в виду не то, что в школе – и не только в школе – все плачут. По поводу плача я скажу так: поскольку эти события происходили и на моей памяти, замечу, что многие плакали не от любви к умершему «отцу народов», а от страха: что же теперь будет, как мы будем жить без Сталина! (Напомню, что это был разгар холодной войны – той, первой холодной войны, развязанной, впрочем, как и нынешняя вторая, правящими кругами Запада). Но так или иначе – действительно все плакали. И на этом фоне представляется поистине удивительным эпизод о соседке, которая говорит – в такой-то момент! – о том, что Сталин был жестоким человеком, что от него пострадало много людей, что он репрессировал невиновных. Это одно из свидетельств исторической зоркости простого народа, понимания им того, о чём молчит официальная пропаганда.

Но вот наступили времена реабилитации репрессированных. И что же? Власти Красноярского края издали региональный закон, по которому получившие реабилитацию репрессированные граждане получают льготы на предоставление жилья при условии, если они возвращаются на прежнее место жительства. Но ведь десятки населённых пунктов на юге края были затоплены при строительстве Красноярской ГЭС и создании её водохранилища. К таким относилась и наша мемуаристка. Как же быть этим людям? А никак. Про такую мелочь, как Красноярское водохранилище, краевые чиновники просто забыли. И ничуть не взволновались, когда им попробовали напомнить. Такое вот отношение к людям. И не к отдельным гражданам, а к тысячам и тысячам людей. Нет, не меняется в этом плане характер нашей власти, ничуть не меняется.

Не обошла вниманием мемуаристка и такую особенность советской экономики, как невосприимчивость к инновациям. Объяснялась эта

невосприимчивость монопольным характером советской экономики: монополия, даже и государственная – это всегда застой и в конечном счёте загнивание. Исключение в экономике СССР составляла только оборонная сфера: оборонные заказы поручались сразу нескольким конструкторским бюро, то есть создавалась конкурентная среда: потом для пуска той или иной разработки в промышленное производство выбирался лучший вариант. Это требовало дополнительных затрат, зато позволяло советской оборонной промышленности сохранять мировой уровень, а то и происходить его.

Ну, а как упомянутая невосприимчивость к инновациям проявилась в лесной промышленности? Вот Лидия Константиновна работает в Сибирском научно-исследовательском институте лесной промышленности и вместе со своими коллегами разрабатывает новый способ лесочистки ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Но способ этот оказывается никому не нужным: ложе затапливается неподготовленным.

Таким образом, предлагаемые читателям нового выпуска нашей серии воспоминания Л. К. Зубрицкой – одно из многочисленных, но при этом ценнейших свидетельств глубокой трагичности нашей истории во всех её проявлениях и на всех её этапах, не исключая, к сожалению, и сегодняшнего дня.

Подача текста в публикации

О принципах редакционной подготовки текстов серии мне уже приходилось писать⁹. Напомню здесь лишь о необходимости не только тщательного, но ещё и индивидуального подхода к рукописи каждого мемуариста.

Поскольку в данном случае речь идёт о тексте, который написан вполне грамотным человеком, владеющим, как уже сказано, нормами русского

⁹ Осипов Б. И. Принципы редактирования и подготовки к печати серии «Народные мемуары» // Редакторские чтения – 2004: Материалы Первой Российской научно-практической конференции с международным участием. Омск, 2004. С. 31 – 37.

литературного языка, его орфографии и пунктуации, постольку к данной рукописи в ходе её подготовки к печати применялись обычные приёмы редактирования литературных текстов: исправлялись случаи тавтологии, неудачного употребления местоимений, иногда – неудачный порядок слов. Но и при этом издатель стремился максимально сохранить особенности авторского текста, внося изменения в основном лишь там, где могли возникнуть трудности понимания того или иного места читателем. (Из ранее изданных выпусков серии такая методика редактирования применялась к рукописи воспоминаний учителя А. У. Астафьева)¹⁰

Редкие, устаревшие и областные слова поясняются в комментарии (Правда, узковедомственные аббревиатуры (вроде *ЛЗП*) при подготовке рукописи расшифрованы в самом тексте.

Кроме того, комментарий (в разделе «Имена собственные») содержит объяснения географических названий, не имеющих широкой известности (деревень, районных посёлков и городов, озёр, речных притоков небольшого размера). Правда, и в самом тексте мемуаров обычно приводятся сведения о территориальной принадлежности большинства населённых пунктов, но это делается не совсем последовательно, а если делается, то не всегда по существующему территориально-административному делению – иногда эти данные приводятся на момент описываемых событий. Из имён исторических деятелей описываемой эпохи Л. К. Зубрицкая упоминает только лишь имя И. В. Сталина – достаточно известного и в наши дни главы Центрального комитета Коммунистической партии, а в последние годы жизни – также и правительства Советского Союза, так что в комментариях имена собственные ограничиваются географическими названиями, необходимости в разделе «Имена исторических деятелей» не возникло.

Все поясняемые слова расположены в каждом разделе комментария по

¹⁰ Документальная автобиографическая повесть сельского учителя А. У. Астафьева «Записки изгоя»: Публикация и исследование текста. (Подготовка текста Б. И. Осипова, Л. А. Астафьевой и Н. А. Астафьевой, предисловие и комментарий Б. И. Осипова). Омск, 1998.

алфавитному порядку, а в тексте воспоминаний помечаются звёздочкой. При этом, если то или иное слово в тексте повторяется, то повторяется и звёздочка при нём. (Заметим, что из ранее вышедших книг серии данный приём был использован в публикации воспоминаний крестьянина Л. Л. Потокина¹¹).

Как уже отмечалось, особенностью данного выпуска серии является большое количество фотоиллюстраций. Семейные фотографии и фотопортреты лиц, упоминаемых мемуаристкой, даются непосредственно в тексте. Что касается фотокопий разного рода документов, то они чатью также приводятся в тексте, но большинство их вынесено в раздел приложений (при этом в тексте даются соответствующие ссылки с указанием номера приложения). В данном случае полностью сохранено то расположение иллюстративного материала, какое имело место в рукописи мемуаристки.

Обычно в изданиях серии приводились образцы почерка автора воспоминаний. Однако это существенно в основном для рукописей, принадлежащих лицам с невысокой грамотностью. В данном случае такой необходимости нет, тем более что текст воспоминаний был получен издателем уже в компьютерном наборе.

Таковы основные особенности содержания и подачи материала в предлагаемом вниманию читателей новом выпуске серии «Народные мемуары».

Надеюсь, что данный выпуск серии «Народные мемуары», как и прежние её выпуски, найдёт своего читателя и вызовет интерес и у специалистов-историков, и у специалистов-филологов, и у всех, кто интересуется историей родной страны, прежде всего повседневной жизни её народа.

Издатель будет глубоко признателен читателям за любые отзывы о книге. Отзывы эти можно направлять по почтовому адресу: Омск, 644077,

¹¹ Пути российского крестьянства в документальном автобиографическом романе Л. Л. Потокина «Судьба ветерана»: Публикация и исследование текста. (Подготовка текста, предисловие и комментарий Б. И. Осипова). Омск, 2014.

проспект Мира, дом 55-А, Омский государственный университет
имени Ф. М. Достоевского, кафедра иностранных языков,
профессору Б. И. Осипову, или по электронному адресу:
prof.ocun@gmail.com.

*«ОТЕЦ МОЙ БЫЛ ПРИРОДНЫЙ ПАХАРЬ»
(К истории коллективизации в Сибири)*

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В книге изложены достоверные материалы о быте, жизненном укладе рядового сибирского села 20 – 30-х годов XX века на примере нескольких семей.

Показано, как проходила сталинская коллективизация, когда кулаками были объявлены все сколько-нибудь зажиточные крестьяне, когда были раскулачены и самые трудолюбивы и старательные из крестьян, нажившие своё имущество собственным трудом.

Предлагаемая читателю книга – о жизненном пути рядовых семей, прошедших годы унижения, перенесших все трудности ссылки в жестоких сибирских условиях, но не сломавшихся, а, наоборот, закалившихся и работавших на победу во время войны 1941 – 1945 гг., а в послевоенное время – на восстановление народного хозяйства СССР.

Это и история страны – история о том, как люди приспосабливались к условиям, в которые ставила их власть, как умудрялись находить выходы из бесконечных тупиков, позволившие каким-то образом не погибнуть, а продолжать жить, растить детей, сохранить семью.

Название книги взято из любимой песни моего отца, которая часто исполнялась в наших семьях.

РОДОСЛОВНАЯ СЕМЬИ

Настоящие родители моего отца Константина Гавриловича Зубрицкого были Бронниковы: отец – Липат Леонтьевич Бронников 1877 года рождения, мать – Анастасия Кузьмовна Бронникова, родом была из купеческой семьи. Против воли родителей Анастасия Кузьмовна вышла замуж за батрачившего в семье кровельщика Липата, родители лишили её наследства.

В семье родилось шестеро детей: Софья, Константин (мой отец), Георгий, Николай, Леонид, Лидия.

На снимке, которому более 100 лет, – чета Бронниковых и их четверо детей: в 1-м ряду слева на руках у Анастасии Кузьмовны – Николай, далее Георгий (в шляпе), Липат Леонтьевич с моим будущим отцом Константином. Во -2-ом ряду, между родителями – старшая дочь Софья.

На снимке нет родившихся позднее еще двоих детей – Леонида и самой младшей – Лидии.

Пока глава семьи был жив, семья была обеспеченной, но всё рухнуло, когда, работая на крыше, он упал и разбился. Жена осталась с шестью детьми, из которых только Софья была уже взрослой. Моему отцу, 1903 года

рождения (по паспорту) было лет девять-десять. Двух детей: Константина и Леонида – овдовевшая мать отдала «в дети», как тогда говорили, то-есть на воспитание в бездетные семьи Зубрицких и Полежаевых. Остальные остались при матери. Семья проживала в селе Балахте* Красноярского края.

Отца отдали в бездетную семью Зубрицких Гавриила Денисовича и Екатерины Кузьмовны, которая проживала в селе Ижувль* Новосёловского района Красноярского края. Приёмный отец был из потомков поляков, еще при царе сосланных в Сибирь. Семья, по тем временам, была зажиточной имела много земли, домашних животных (коров, овец, лошадей, кур), дом с хозяйственными постройками, амбар, гумно, зимовье*, хозяйственный инвентарь и прочее.

Семья была работающей, работали «от зари до зари», как говорила моя мама, выращивали пшеницу, рожь, овёс, гречиху, лён. Пшеница родилась в тех местах с высоким содержанием клейковины. Семья вела натуральное хозяйство: одежда, белье, предметы домашнего обихода были сделаны своими руками. Семья была верующей, соблюдались все православные праздники, посты, в эти дни не занимались никакой работой, кроме ухода за домашним скотом.

Но прежде, чем усыновили моего отца, он некоторое время работал

подпаском в приёмной семье, так что зарабатывать свой хлеб он начал рано. Мальчик понравился семье, и его усыновили.

На этом старинном фото приёмные родители отца – Гавриил Денисович и Екатерина Кузьмовна Зубрицкие. Снимок сделан в Красноярске во время прохождения военной службы, жена приехала к мужу на свидание. Дата снимка – 1919 или 1920 год.

Моя мама, в девичестве Чанчикова Антонина Евтифьевна, 1902 года рождения (по паспорту), тоже жила в селе Ижувль*. Родители её – Евтифий Иванович Чанчиков и Матрена Яковлевна Чанчикова. Мать её рано умерла, осиротевшая дочь жила с мачехой. В семье она была старшей, затем родились брат Никита и сестры Елизавета и Лукерья.

В 1920 году состоялась свадьба и венчание в Караульно-Острожской* церкви. Брак был не по любви: на женитьбе настоял дед. Отец встречался с другой девушкой, Валентиной. Затем на ней женился брат матери Никита.

Вот так началась непростая семейная жизнь: пошли дети, при таком большом хозяйстве нужны были рабочие руки.

Первые дети: Илья, Катя и Леонид – умерли в раннем детстве. В то время в Сибири свирепствовали дифтерия, оспа, дизентерия. Старшему, Илье, было четыре годика, он умер от дифтерии, младшие умерли в грудном возрасте от дизентерии.

В 1926 году родился брат Николай, в 1929 году – сестра Анна. Вскоре дед овдовел: умерла Екатерина Кузьмовна. Дед отвез её на обследование в Красноярск, ей сделали операцию (рак), но видимо было уже поздно. Дед похоронил ее на Покровском* кладбище. Дед тяжело переживал уход жены, он любил её. Впереди ждали тяжёлые времена.

РАСКУЛАЧИВАНИЕ

Размах массовой коллективизации коснулся и Сибири. Слухи об образовании колхозов и раскулачивании дошли и до села Ижувль*. Дед имел наёмного работника – молодого парня Максимку – недюжинной силы (как мама говорила), работающего. Он жил вместе семьей деда, дед считал его членом семьи.

Дед готов был войти в колхоз, но его никто не позвал.

В 1930 году, в марте месяце, семью раскулачили, землю отобрали, скотину согнали в колхоз, а людей выселили. На сборы дали двадцать четыре часа. Семья была большая, кроме деда, родителей, брата и сестры с ними жил

старший брат деда Михаил Денисович Зубрицкий (ему было 67 лет).

Накануне отъезда, ночью, от сердечного приступа, брат деда умер. Утром подъехала подвода, приказали взять столько вещей, сколько уместится в подводе. Умершего родственника не позволили даже похоронить, так и оставили на лавке.

Взяли в основном тёплые вещи (тулупы, полушубки), продукты, посуду, одежду. Везли их по зимнику*, по Енисею, а дальше до Ачинска*. Несмотря на март месяц, было очень холодно, дул сильный ветер, детей закутывали в шубы, иначе бы замерзли.

Вместе с нашими родителями раскулачили еще несколько семей из Ижуля* и других деревень Новосёловского района и всех также везли на лошадях, обозом.

Под раскулачивание попала и семья Потылициных – Ивана Антоновича и Зиновьи Григорьевны и их дети Константин и Анастасия. Это наши родственники – семья Михаила Денисовича Зубрицкого, умершего накануне. Вместе с ними наши родители и пережили тяжелые годы ссылки на Севере, поддерживая друг друга.

Репрессии были осуществлены Ижувским сельсоветом Новоселовского района Красноярского края. Архивных документов, подтверждающих факт конфискации имущества, нет. Раскулачивание и изъятие имущества после реабилитации пришлось подтверждать свидетельскими показаниями в судебном порядке.

Единственным документом была справка из Новоселовского архива, где сообщалось о лишении избирательных прав и перечислены фамилии всех родственников. (См. приложение № 1).

Дед значился, как глава семьи, возраст 56 лет, причина лишения – «за эксплуатацию рабочей силы и перепродажу хлеба», хотя перепродажей хлеба дед никогда не занимался.. Родители названы иждивенцами. Он и семья сами пахали, сеяли, выращивали и убирали урожай. Излишки хлеба дед сам возил по реке Енисей в город Красноярск. На вырученные деньги покупал сельхозинвентарь и другие принадлежности для ведения хозяйства.

В другой семье наших родственников глава семьи Иван Антонович Потылицин был лишен избирательных прав «за эксплуатацию рабочей силы». Семья также была зажиточной, имела наёмного работника.

Интересна история этой семьи. Иван Антонович батрачил в семье Сергея Денисовича Зубрицкого (родного брата нашего деда). После смерти Сергея Денисовича он женился на вдове Зиновье Григорьевича, а дети остались на прежних фамилиях.

Согласно решению Свердловского райсуда Красноярска от 27 декабря 1999 г. установлен факт конфискации следующего имущества родителей: дома бревенчатого с надворными постройками – баней, амбаром, летней кухней, стайками*, конюшней, сенокосилок, борон, гумна, 15 коров, 10 нетелей, 30 лошадей, 20 овец. (См. приложение № 2).

По рассказам родственников, оставшихся в селе, коллективизация проходила трудно, люди не хотели идти в колхоз. Зажиточных крестьян выслали, скотину, которую отобрали у кулаков, нечем было кормить, и она погибла. Весной оказались непаханные и незасеянные поля. Сельчане стали уезжать в поисках лучшей доли.

Интересно сложилась судьба бабушки Анастасии Кузьмовны Бронниковой. Во время коллективизации она стала яростно агитировать за колхозы, была активисткой – «делегаткой», как это называлось в те годы. А второй ее муж, Антон Данилович Данилов, был ярким противником колхозов. В новой семье родилось еще трое совместных детей.

И неизвестно, чем бы закончился их брак, но в поездках по районам Анастасия Кузьмовна заразилась вирусным гепатитом и умерла, оставив на руках Антона Даниловича трёх несовершеннолетних детей.

Антон Данилович так и не вступил в колхоз, а дети его, Иннокентий и Прасковья, не послушавшись отца, вступили и едва не пропали.

Удалось избежать раскулачивания лишь немногим родственникам по линии отца и матери. Семья Полежаевых вовремя выехала из Балахтинского* района в прииск на реке Бирюсе.

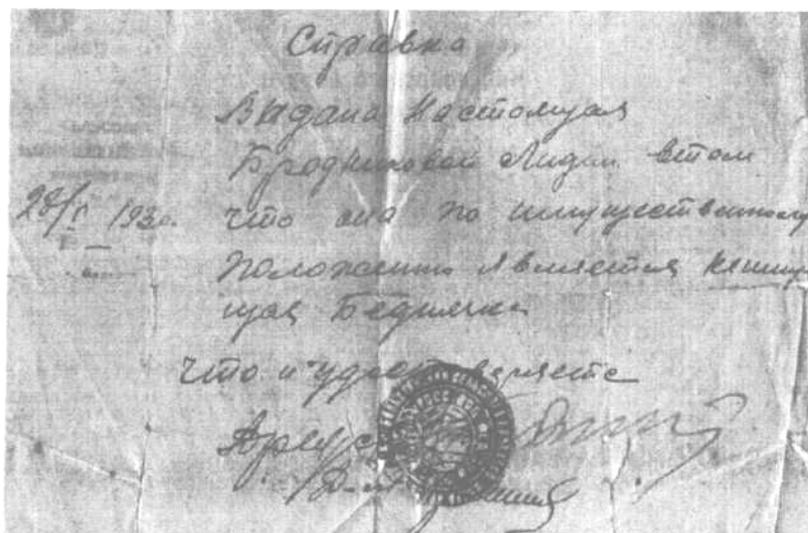
Тетю Лиду Бронникову, сестру отца, спасла от раскулачивания справка,

где удостоверялось, что она «по имущественному положению являлась неимущей беднячкой».

Родственникам по материнской линии Чанчиковым удалось в спешке выехать в Красноярск.

Причисление к кулачеству было в пору коллективизации совершенно произвольным. По закону кулаком считался тот, кто имел наёмных работников. Но произвол местных коммунистов доходил до того, что в кулаки могли записать и семью, имевшую швейную машинку или хотя бы самовар, не говоря уж о машинах вроде молотилок или о лишней голове скота.

Ниже приводится копия документа огромной ценности, выданного 28 января 1930 года Бронниковой Лидии. Эта справка, с полуграмотным текстом, буквально спасла её от раскулачивания, которое ей грозило постольку, поскольку ей досталась после смерти матери шейная машинка «Зингер».

СЕЛО МАКОВСКОЕ* ЕНИСЕЙСКОГО РАЙОНА.

Самое страшное испытание, которое выпало на долю моих родителей в ссылке (по рассказом матери), было пребывание в селе Маковское*. Это старинное сибирское село, но в 1930 году это был пересыльный пункт, где

ждали дальнейшей участи ссыльные. Находилось в тайге, вдали от населенных пунктов. Разместили их в сырых, наскоро построенных бараках, из сырого леса. Кроме сибиряков, привыкших к сорокаградусным морозам весной, там были чуваша, татары, калмыки, украинцы и другие народы. Было много детей, стариков.

Люди стали простужаться, болеть. Железные печи топились сутками, но люди всё равно мёрзли, умирали от холода и голода, особенно маленькие дети и старики.

По рассказам матери, детей она не спускала с рук, ведь сестре Ане был один годик, а брату Коле – четыре годика.

Не знаю, как удалось выжить моей семье в таких условиях: видать, помогла сибирская закалка.

ГОРОД ЕНИСЕЙСК*

С открытием навигации на Енисее, в мае 1930 года, семью перевезли в город Енисейск*, поселили в здание заброшенной церкви. Снова жуткий холод, сырость, голод. Дед каждый день ходил на базар, на пристань, где обменивал вещи (посуду, одежду, часы и другое) на молоко детям и хлеб. В поисках пищи встречал каждый пароход, каждую баржу.

По Енисею в то время завозились все грузы на Север (Норильск*, Игарку*, Дудинку*), по притокам – на золотые прииски Северо-Енисейского района. Но не только завозились грузы – по Енисею шли суда, переполнение людьми: это такие же ссыльные, как и наши семьи, их везли на ссылку.

Такие пароходы останавливались где-то вдали от берега, люди выходили на палубы и все кричали свои фамилии, надеясь, что их кто-нибудь ждёт на берегу. Дед тоже встречал такие суда и с берега кричал – «Зубрицкие есть кто-нибудь?», ведь в Ижуге* оставалось много родных, знакомых, однофамильцев.

Я благодарна деду: он спас семью от голода, до конца не терял надежды на выживание.

СПЕЦПОСЕЛЕНИЕ

В конце мая – начале июня 1930 года открылась навигация на реках Подкаменная Тунгусска и Большой Пит*. Нашу семью отправили на баржах в Северо-Енисейский район на золотые прииски. В поселке Брянка* работали на разгрузке барж, ведь в то время единственным средством доставки всех грузов в районы Севера был водный транспорт. В такую горячую пору рабочих снимали с производства и отправляли на разгрузку «каравана». Навигация на северных реках очень капризна, нужно было в короткие сроки, по большой воде, успеть доставить груз.

После завершения весенних авральных работ семьи были перевезены в посёлок Соврудник*, ныне посёлок Северо-Енисейский. Поселили в трудпоселке* в бараках, на семью давали одну маленькую комнату. Отец долгое время работал на драгах* в Северо-Енисейском районе кочегаром, а семья жила в Совруднике* с дедом. Жизнь стала помаленьку налаживаться, дед устроился на работу шорником на конном дворе.

Семья уже не голодала: в продаже были разные продукты: мука-крупчатка*, разные крупы, рыба, консервы и прочие продукты. Гораздо хуже было с товарами народного потребления (одеждой, обувью и другими предметами домашнего обихода). Не было посуды, столовых приборов (ведь дед всё это выменял на продукты в с. Маковском* и городе Енисейске).

Но это были мелочи, дед и здесь нашёл выход из положения: ложки и чашки смастерил из дерева. Обувь детям шил сам, назвав эти тапочки – чирками*. А мама из старой одежды перешивала нам белье, платья и всё необходимое. На боны* семья купила швейную машинку «Зингер», на которой мама шила даже ватные фуфайки. (На Севере у старателей золотых приисков были в обращении боны*, они заменяли деньги).

Из оставшихся тулупов мать шила меховые бурки*, их мы носили зимой с калошами. С валенками (пимами, как их называли в Сибири) было намного хуже: их распределяли по школам, предприятиям (шахта, фабрика), конторам, и всем, конечно, не хватало.

Необходимо отметить, что были семьи, где дети зимой не ходили в школу из-за отсутствия валенок, так как зимой морозы там доходили до пятидесяти-шестидесяти градусов.

Со временем обеспечение приисков наладилось: стали завозить одежду, обувь, ткани и другие товары.

Проблема была в нехватке овощей, фруктов. От недостатка витаминов люди стали болеть цингой – выпадали зубы. Мама, переболев цингой, осталась без зубов, дедушка – тоже. Сестра Аня весной тоже заболела цингой, но её спас дед. Он по первым проталинам ходил в лес за черемшой*. Отваром этого чудодейственного лекарства Аня и спасла зубы (пила и полоскала рот).

Черемшу* солили на зиму, ели свежую, пекли пироги, пили сок. Эта чудо-трава спасла многих на севере от гибели. Все последующие годы семья заготавливала её: солили бочками, перекладывая её речными камешками (так она лучше хранилась). Кроме черемши солили грибы, заготавливали ягоды, кедровые орехи. Ягоду сушили, варили, в основном только малину (на лекарство), так как был дефицит сахара.

В тех местах родилось много брусники, голубики, смородины. Но самой лучшей ягодой считалась брусника, её хранили в ящиках или в бочках в свежем виде, а с приходом зимы её замораживали. Ею также лечились от многих напастей (простуды, кашля и других заболеваний).

Вместе с семьей Потылициных стали думать о строительстве дома: надоело жить в бараках. За время проживания в бараках часто болели дети, заражаясь друг от друга: ведь в бараках жило много детей.

В семье Потылициных дети Константин и Анастасия создали свои семьи – нужно было жилье. Константин женился на ФедореПетровне Алёшкиной. Анастасия вышла замуж за Александра Петровича Алёшкина.

Семья Алёшкиных тоже была раскулачена и выслана из деревни Погорелка Емельяновского района Красноярского края в Соврудник*, где и встретились молодые.

В 1938 году начали строить дом, он больше походил на барак на три семьи. Иван Антонович работал на лошади водовозом в зоне. В Совруднике* располагался лагерь Гулага*, где отбывали свой срок в основном политзаключенные, осуждённые по 58 статье. Позднее, где-то в 50-х годах, лагерь перевели на окраину посёлка, где выстроили бараки из бруса и все хозяйственные постройки.

Позднее Ивану Антоновичу удалось выкупить списанную лошадь, что намного облегчило строительство дома (деньги собрали в складчину). Дом строили из круглого леса, небольшой. Каждой семье – по комнате и кухне, размером 20 квадратных метров. Пол был неокрашенный до 50-х годов: в магазине не было краски, стекла, толя и других материалов. Пол скоблили голиком* с речным песком и застилали самоткаными половиками.

Зимой в сильные морозы, ставили железную печь и топили сутками.

Я родилась в сентябре 1939 года, уже в новом доме. Отец перевёлся и стал работать на конном дворе конюхом, вместе с дедом. Все работы по дому делали сами, вся необходимая мебель была сделана дедом. Мы даже завели несколько кур, а родственники наши – корову, так что дети были с молоком. В нашей семье было уже пятеро детей, а в семье Потылициных – родилось шестеро внуков.

Рядом с домом, на горе, раскорчевали огороды, стали садить картошку. Земля была каменистая, удобряли конским навозом – стала родиться хорошая картошка. Хотя лето на Севере было очень короткое, но теплое. Мать где-то выменяла хорошие сорта картофеля, стали собирать дотридцати- сорока кулей. О голоде уже забыли, суп, каша, картошка всегда были на столе. Такой вкусной картошки я больше нигде и никогда не ела. Мать что только не готовила из этого блюда, но самая вкусная была – картошка «в мундире», запечённая на печи.

Кроме картошки, там практически ничего не росло из овощей, правда,

правда, садили лук, чеснок. Некоторые жители выращивали капусту.

Но при наличии парника и стекла: ведь плёночных покрытий тогда не было. Летом там часто были ранние заморозки, бывало, даже в июле месяце ночью ударяли заморозки и картофель подмерзал – правда, потом отходил, давая новые побеги. Без огурцов и помидоров обходились, выручали свои заготовки – черемша*, грибы.

Всеми домашними делами занималась мать, дед и мы, подрастающие дети. Отец был весь в работе: летом работал на покосе для казённых лошадей, зимой – на вывозке сена по зимним дорогам на Соврудник*, весной – на вспашке огородов. Всё время был в разъездах.

Жизнь налаживалась, но впереди ожидали новые испытания.

ВОЙНА: 1941 – 1945 ГОДЫ В ИСТОРИИ СЕМЬИ

В 1941 году у нас в семье не было радио, но о начале войны узнали сразу. Мне не было и двух лет, но некоторые моменты в детской памяти остались. Старшему брату Николаю, 1926 года рождения, только исполнилось 15 лет, окончил семь классов, и пришла повестка из военкомата. Всех ребят 1926 года рождения мобилизовали. Провожали все соседи до клуба. Было много народу, играла музыка, Коля наш играл на гармошке. На открытых машинах их повезли до посёлка Брянка*, а мы все плакали.

Из писем через месяц семья узнала, что брат находится в городе Игарке*, проходит обучение в школе ФЗО* № 8 на судового моториста, а вечерами ребята занимаются военной подготовкой. Также узнали, что он там мёрзнет: ходит в домашней фуфайке и кирзовых сапогах (обмундирование им не выдали), а на дворе уже был ноябрь, крепчали морозы.

Мать срочно выслала посылку с валенками, одеждой, теплыми рукавицами, но посылка дошла только к новому году. Ребята жили в общежитии ФЗО*, прикреплены были к столовой. От недоедания в общежитии начались кражи, и Коля нашёл квартиру у одной бабушки и был доволен. На питание и курево выдавали талоны, брат у нас мальчик

домашний, не курил, не баловался даже, и свои талоны на курево обменивал на продукты. Коля очень скучал о доме, часто писал письма домой, да и Аня (старшая сестра) писала часто, но письма терялись.

Так что Коле снова пришлось пережить все невзгоды судьбы: холод, голод, унижения, как и в годы ссылки родителям с детьми, когда ему было четыре года, а здесь, в Игарке*, – пятнадцать лет.

Несмотря на трудности: суровые климатические условия, тяжелый физический труд (заготовка, распиловка, колка дров для училища и другие работы), брат закончил училище с почётной грамотой.

В летнее время учащиеся проходили практику на речных судах, работали на рабочих местах, плавали до порта Дудинка*.

В мае 1944 года Игарским* военкоматом Коля был призван в армию. Из Красноярска новобранцев отправили в город Ачинск*, там работали на разгрузке железнодорожных вагонов. Затем брат был переведен в город Бийск* Алтайского края, где прошёл обучение на разведчика-связиста.

В городе Тейково* Ивановской области обучался на парашютиста. Николай везде хорошо учился, получал похвальные грамоты.

С марта 1944 года находился на передовой. Участвовал в освобождении Австрии, Венгрии, Чехословакии. День Победы встретил в Чехословакии, был награжден медалями «За отвагу», «За боевые заслуги».

За выполнение важных боевых задач при переходе через Альпы был представлен к награждению орденом Славы 3-й степени, а полк, где служил брат, был награжден орденом Суворова 3-й степени. (Из писем брата).

На память осталась фотография, присланная из Чехословакии. Снимок сделан 4 июня 1945 года, брат на фото справа, с орденом Славы на груди.

Воинская часть № 41658 «В», где служил брат, до 1946 года находилась в Венгрии и только в феврале 1946 года была

передислоцирована в ород Брянск на восстановление железнодорожных мостов.

Николай обещал приехать домой в отпуск: ведь он не видел родных пять лет, очень скучал, письма из дома получал редко (письма терялись).

Но в августе 1946 года брат заболел, из госпиталя написал письмо, что «я немного приболел, не беспокойтесь обо мне». А 12 сентября 1946 года он умер в госпитале № 3010 города Брянска. Ему было 20 лет. Похоронен в Брянске. Похоронку семья получила спустя месяц после смерти.

Вот такая короткая биография у моего старшего брата. В нашей семье сохранились его письма с фронта, фотографии.

Я, младшая сестра, долго занималась поиском документов, истории болезни и смерти брата, его наград. Из министерства обороны, из наградного отдела, пришло подтверждение о наградах. По сообщению Главного управления кадров, брат действительно был награждён медалями: «За отвагу» 24 апреля.1945 года и «За боевые заслуги» 2 мая 1945 года (см. Приложение № 3). О награждении орденом Слава 3-й степени (о чём писал брат в письме) в ответе министерства не упоминается.

Сообщалось, что награды были вручены солдату, а после его смерти отправлены в Северо-Енисейский райвоенкомат. Однако после запроса в Северо-Енисейский военкомат был получен ответ, что награды туда не поступали. (См. Приложение № 3).

На наш запрос о причине смерти брата, из воинской части 41658 пришел ответ: «Ваш сын Зубрицкий Николай Константинович умер по причине воспаления горла и произведенной по этому случаю операции». (См. Приложение № 4). После долгих поисков истории болезни, из архива министерства обороны (город Подольск*) пришла выписка из истории болезни № 1132, в которой значится:

«Зубрицкий Николай Константинович, 1926 г. рождения, рядовой, в/ч 41658. Поступил в госпиталь 10 августа 1946 г.

Предварительный диагноз: лимфогранулематоз, окончательный диагноз – тот же. Диагноз: патолого-анатомический:

- 1) лимфосаркома шейных желёз с метастазом в почки и твердую мозговую оболочку;
- 2) стеноз пищевода и трахеи.

Умер 12.09.1946 г.

Основание: оп. 753230, д. 1, л. 105-113.

Начальник архивохранилища майор Карпов».

Смерть старшего брата была страшным ударом в нашей семье.

Не вернулись с войны и другие родственники – родной брат отца Леонид Липатьевич Полежаев (Бронников), 1908 года рождения. Он, как и мой отец, был отдан в приёмную семью Полежаевых в село Сыры* Балахтинского района.

Племянник отца, Михаил Георгиевич Бронников, с началом войны тоже был на передовой, участвовал в боях на 3-м Белорусском фронте. В тяжёлые месяцы отступления Красной Армии он подорвал немецкий бронепоезд и получил за это орден Ленина, а потом заслужил и ещё ряд боевых наград. Но в начале 1945 года он получил в боях тяжёлое ранение и вернулся домой безногим инвалидом.

Участвовал в войне и Иннокентий Николаевич Бронников, 1926 года рождения – тоже племянник отца (сын родного брата Николая Бронникова). Воевал в Прибалтике, был лётчиком. После ранения вернулся в родную Балахту* со многими боевыми наградами. Семья продала тогда корову, чтобы сын поехал учиться в Москву. После окончания Московского государственного университета вернулся в Красноярск, работал преподавателем психологии в педагогическом институте. Закончил аспирантуру Московского государственного университета, защитил кандидатскую диссертацию, работал заведующим кафедрой психологии в Красноярском пединституте. Затем перешел в Красноярский университет (ныне Сибирский федеральный). По состоянию здоровья (давали о себе знать военные ранения) вышел на пенсию в 65 лет. Умер в 2002 году.

Не вернулись с войны и племянники по материнской линии из семьи Чанчиковых. Семья жила в Красноярске, а до переезда в город – тоже в

деревне Ижувль* Новосёловского района. В семье было семеро детей – шестеро сыновей и дочь. Из пяти сыновей с фронта вернулся только один, четверо – «без вести пропавшие» в боях под Москвой в 1941 – 1942 годах.

РАБОТА ОТЦА В ВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Все военные годы отец, дед, наши родственники, как и вся наша страна, трудились без выходных, без отпусков. Как я уже писала ранее, отец и дед работали в одной организации, только в разные годы она называлась по-разному, да и должности – тоже. В военные и послевоенные годы организация значилась как «лесотранспортный цех Северо-Енисейского приискового управления треста «Енисейзолото» министерства цветной металлургии СССР. В 50-х годах лесотранспортный цех был переименован в лесозаготовительный, а в 60-х годах – в жилищно-коммунальную контору Северо-Енисейского золотоприискового управления треста «Енисейзолото».

Должности у отца и деда тоже были разные: возчик, конюх, фуражёр, столяр-краснодеревщик, пастух, ямщик и другие. Это объяснялось многими причинами, одной из них была – важность гужевого транспорта в районе в военные и послевоенные годы. Первые грузовые машины (ЗИС*, ЗИЛ*) стали поступать в начале 50-х годов, работали на вывозке леса с лесозаготовительных участков на пилораму. Но и с приходом автотранспорта гужевой транспорт не утратил своего значения: доставка воды, дров, хозматериалов в социально значимые объекты (больницу, школы, детские сады, ясли), вспашка огородов и другие работы выполнялись на лошадях. В посёлке не было центрального отопления, а было только печное.

Отец действительно был рабочим-универсалом, его очень ценили на работе – за его надёжность, безотказность, порядочность. Его вышестоящие начальники, уходя в отпуск, оставляли отца за себя, доверяли только ему. А сам он работал без отпусков, в летнее время приходилось работать даже в две смены: днем на основной работе, а ночью – пас лошадей в тайге. Каждую

весну работал пахарем на вспашке огородов.

В посёлке многие сажали картофель, благодаря которому и выжили в военные и послевоенные годы. За помощью в вспашке все обращались на конный двор, и отца, как опытного пахаря, назначили на эту должность. И так было каждую весну, потому что лучше его никто не мог вспахать каменистую, неплодородную землю.

И только в последнюю очередь он пахал свои огороды – когда уже все посадили картошку. Мать всегда обижалась на отца за это, но, как в песне пелось, «раньше думай о Родине, а потом о себе».

Название этой моей книги выбрано неслучайно: оно взято из старинной сибирской песни, в которой поётся: «Отец мой был природный пахарь, а я работал вместе с ним». Это была любимая песня отца, в наших семьях она часто пелась, так как с ней связано его сиротливое детство, работа, да и вся его жизнь.

Я помню, когда он пел эту песню, по щекам его текли слёзы.

На фото, приведённом ниже, стоит отец с парой запряжённых лошадей. Снимок сделан в 1952 или в 1953 году. в Северо-Енисейске, на вспашке своих огородов. Запечатлён покосившийся забор: отцу было не до заборов.

Он был весь в работе, работал на износ, очень уставал, но никогда не жаловался: надо было кормить семью. После смерти деда в 1947 году в семье из шести человек он был один работающий.

За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов отец был награжден медалью, а в послевоенные годы – многочисленными грамотами за выполнение «сталинских пятилеток в четыре года» с портретами вождей. Позже, в 60-х годах, ему было присвоено почётное звание «Ударник коммунистического труда». Его фото не сходило с доски почёта в районном клубе посёлка Северо-Енисейск. (См. приложение № 5)

ХЛЕБНЫЕ КАРТОЧКИ И ИХ ОТМЕНА

В военное время были введены карточки на хлеб и продукты питания на работающих и иждивенцев. Норма хлеба на работающего на Севере была – 800 граммов, на детей-школьников – 400 граммов, на иждивенцев – 300 граммов. Из продуктов по норме давали сахар, масло, рыбу, мясо. Хлеб на базаре стоил 100 рублей за булку, но его можно было купить только в обмен на ведро картошки или на другие продукты. Мануфактуру, одежду, обувь можно было также купить на обмен хлеба или картошки. Деньги в военное время утратили своё значение, на смену пришёл обмен товаров.

Очередь за хлебом занимали ночью, стояли даже дети, а с открытием магазина приводили всех иждивенцев, даже грудных детей.

Нашу семью в военное время спасла картошка, о чём я писала ранее, благодаря ей мы пережили войну. Конечно, картошка не могла заменить хлеб, и нам, детям очень хотелось хлеба.

Я помню, как мать на столе раскладывала каждому из семьи свою пайку. Мы с братом Виктором (он был старше меня на три года) всегда спорили, что делать с этим кусочком хлеба – съесть сейчас или оставить на вечер. Часто прятали эти кусочки, ссорились с ним, если он незаметно от меня съедал хлеб.

Но наступило время – отменили карточки, а мать нам не сказала об этом (радио тогда ещё не было в доме). И однажды, за столом мать нарезала хлеба и уложила его на большую тарелку, а не раскладывала по кусочкам. И только тогда нам сказала, что отменили карточки.

А еще в этот день на столе стояла банка сгущённого молока, и мы могли его есть ложками столько, сколько хотели. Это для нас было такое счастье, что в доме было много хлеба и банка молока!

Мне было тогда лет шесть-семь, но я всё помню: такое не забывается!

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА И ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ЗАЙМЫ

В 1947 году, в декабре, произошла денежная реформа: старые деньги («керенки»*, как их называли в народе) поменяли на новые.

В семье в то время деньги не водились, хватало только на питание, да и то очень скромное. Но остались деньги у деда (дед умер в январе 1947 года), и мать где-то нашла потом старые деньги, припрятанные им. Мать очень сожалела, ругала деда. О количестве их я не помню, но думаю, что их было немного, видать отложил на «черный день» (дед уже прибалывал, не работал).

В послевоенные годы, с 1947 по 1956, в стране стали выпускаться облигации государственного займа на восстановление и развитие народного хозяйства. На предприятиях была организована подписка на займы, сначала – добровольно, а затем и принудительно.

Впоследствии с долгами по государственным займам государство стало рассчитываться путем выигрышных тиражей. Со временем займы начали выпускать ежегодно. Из заработной платы работающих, кроме подоходного налога, удерживали отчисления на государственный заём. У меня сохранилась расчётная книжка отца за 1953 год, за ноябрь, декабрь и за январь 1954 года. В зимние месяцы, как я писала ранее, он работал на вывозке сена с прииска Кушма* на конный двор в Соврудник*.

За ноябрь 1953 года начислено по сдельной оплате труда за 26 рабочих дней – 885 рублей 27 копеек. Удержано: подоходный налог – 53 рублей 70 коп.еек, отчисления на Госзаём – 50 рублей. Причиталось к выдаче – 781 рублей 74 копейки.

За декабрь 1953 года начислено за 25 рабочих дней -1001 рубль 44 копейки. Удержано: подоходный налог – 6 8 рублей 20 копеек, аванс – 400 рублей. Госзаём – 50 рублей. Итого удержано – 518 рублей.20 копеек. Причиталось к выдаче 483 рубля 98 копеек.

За январь 1954 г. начислено за 26 рабочих дней 1385 рублей 12 копеек.

Удержано: подоходный налог – 57 рублей 49 копеек. Госзаём – 50 рублей. Итого удержано 107 руб. 49 коп. Причиталось к выдаче – 1277рублей 63 копейки.

Необходимо отметить, что отчисления на государственный заём в отдельные годы были разные, от 50 до 200 рублей. Всего с 1947 по 1956 годы у отца было облигаций на сумму 8172 рублей.

В 1957 году государство заморозило долги по займам – как тогда было объявлено, на 20 лет, а как оказалось в действительности – навсегда. Так и не погасились облигации 1956 года на сумму 328 рублей.

В 1956 году я училась в Красноярском лесотехническом техникуме. Нас, учащихся, обязывали подписываться на госзаём. Размер стипендии был 180 рублей, я подписалась на четыре облигации по 10 рублей – на сумму 40 рублей. Как жаль было этих денег: ведь я планировала купить себе наручные часы (они стоили тогда 30 рублей).

ГУМАНИТАРНАЯ ПОМОЩЬ

В последние годы войны (1944 – 1945) и в первые послевоенные годы на предприятиях стали выдавать продукты и вещи (в народе их называли сталинскими подарками): тушёнку, одежду, отрезы материи. Наш отец за ударный труд тоже получил такие подарки – тушёнку, два отреза на платье и юбку. В конце 1945 года отцу подарили американскую куртку из джинсовой ткани. Мать не могла определить, что это за ткань, и отложила эту обновку в сундук до приезда с войны старшего брата, Николая. Не дождавшись брата, мать отдала ее нам, детям, и мы все по очереди носили её летом, когда ходили в лес по ягоды, грибы.

Эти вещи были собраны простыми людьми союзнических стран, в основном США, в порядке гуманитарной помощи советскому народу.

Во время войны, мы, дети, тоже участвовали в сборе подарков на фронт. Вместе с матерью шили кисеты, тёплые рукавицы.

ДОЛГОЖДАННАЯ СВОБОДА

В 1948 году родителям выдали паспорта. До этого у них не было никаких документов. У старшей сестры Ани и у брата Николая, родившихся в селе Ижуле*, не было даже метрик.

Люди с облегчением вздохнули, получив долгожданную свободу, многие стали уезжать на родину. Уехали в Красноярск и наши родственники Потылицины и Алёшкины. Остановились сначала все у родственников Чанчиковых в частном доме. Затем стали помаленьку обживаться. Семья Алёшкиных с тремя детьми купила небольшой домик в Покровке*, а потом уже они начали строиться, тоже в Покровке*.

Семья Константина Сергеевича и Федоры Петровны Зубрицких получила казённую квартиру из двух комнат в деревянном доме с огородом. В семье было трое детей, позднее родилось ещё четверо.

Глава семьи устроился кузнецом в крайпотребсоюзе*, жена вела домашнее хозяйство, воспитывала семерых детей, имела орден «Материнская слава».

На Севере мы остались одни, но рядом были хорошие соседи – украинцы, татары, мордва. Жили все дружно, помогали друг другу.

Были случаи, когда, получив свободу, уезжая на родину, обратно возвращались на Север.

Родственники писали нам письма, звали нас в Красноярск, хвалились, что жизнь здесь намного легче, продукты дешёвые, и они даже завели корову. Но отец не рискнул срываться с места, да и детей надо было учить.

ДЕТИ: ОБРАЗОВАНИЕ И РАБОТА

В 1947 году старшая сестра Анна закончила 10 классов и, год отработала в школе учителем начальных классов, только потом поехала учиться дальше.

Поступила в Омский сельхозинститут на агрономический факультет.

Она за пять лет учебы в Омске, только один раз приехала домой на каникулы, так как не было денег на дорогу: из Красноярска до Соврудника* в летнее время можно было долететь, только на самолёте, а это стоило очень дорого (где-то 800 – 900 рублей в один конец).

После окончания первого курса института, по приглашению тёти Лиды Стародумовой (Бронниковой), родной сестры отца, Анна поехала на каникулы в посёлок Ефремкино* Ширинского района. Это была первая встреча с родственниками отца. Кроме тёти Лиды там жила семья дяди Гоши Бронникова (брат отца). Анне очень понравилось там. Она помогла им в заготовке сена для коровы.

После второго курса института сестра приехала на каникулы домой. Эта поездка была для неё судьбоносной: она встретила здесь будущего мужа. Он тоже приехал в отпуск к брату, который жил рядом с нами, через стенку. Молодой речник, в парадной форме, он покорила её сердце, но поженились они только в 1953

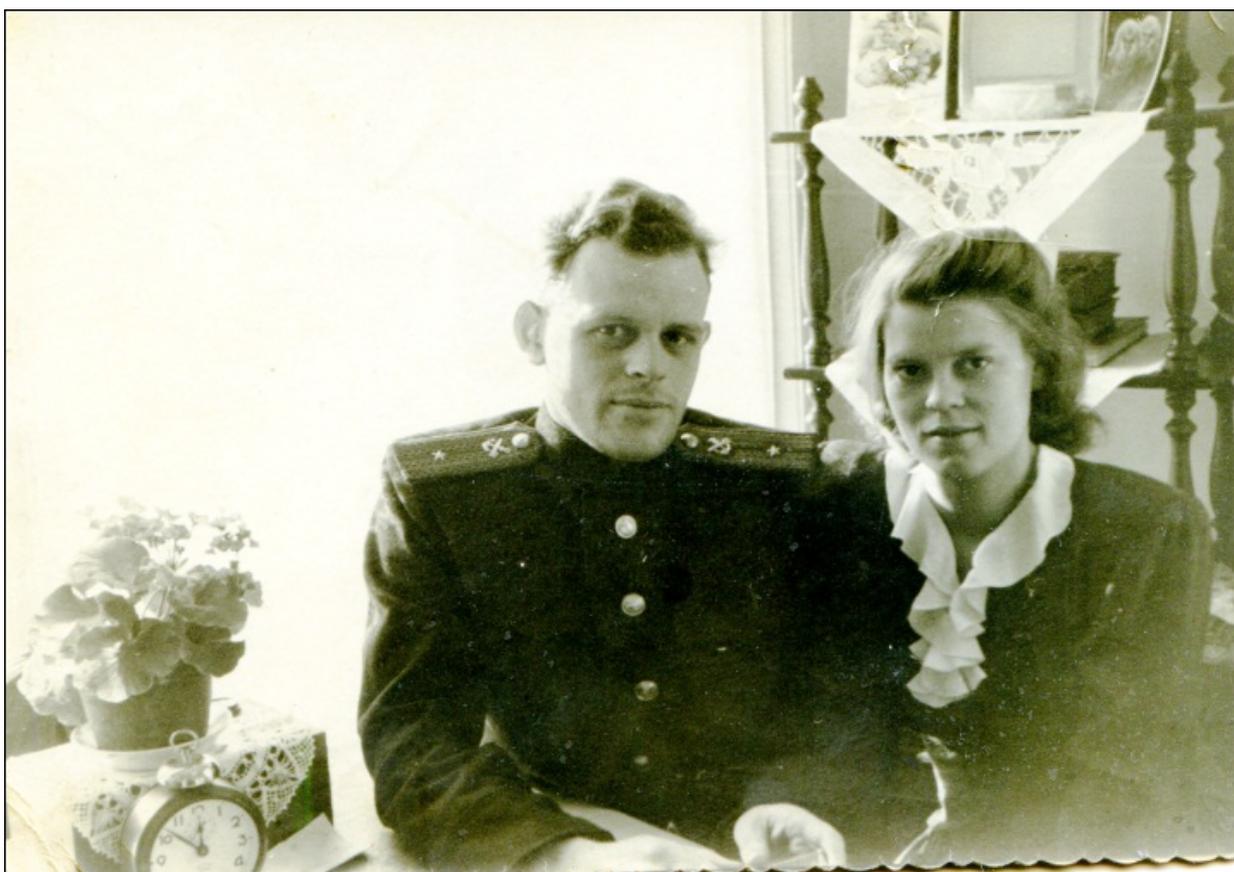

году, после окончания института. Три года переписки, ожиданий – и вот долгожданная встреча. Сестра получила направление на работу в город Красноярск.

Работала сначала на предприятии «Сортсеровощ»*, затем в педагогическом и сельхозинститутах. Муж, Аркадий Авенирович Тулуни, участник Великой Отечественной войны, работал на судоремонтном заводе. В браке прожили 55 лет, воспитали двух сыновей – Игоря и Николая. Умерла сестра в 2010 году, в возрасте 81 года.

На фотоснимке, сделанном 15 октября 1952 года Аня – студентка у входа в Омский сельхозинститут.

А далее на фото – молодая семья Тулуниных. Снимок сделан в Красноярске в 1953 году.

А ниже – юбилейный снимок: в 2005 году отмечали 80-летие Аркадия Авенировича Тулунина. В центре – моя сестра Аня с мужем-юбиляром. Во втором ряду моя дочь Катя, я, мой зять Виктор.

Брат Виктор окончил 7 классов, учиться дальше не хотел, помогал отцу на конном дворе, очень любил лошадей. В шестнадцать лет устроился на работу учеником слесаря на обогатительную фабрику, отработал два года, в 1955 году его взяли в армию. Служил в танковых частях сначала на Дальнем Востоке, в городе Бикине*, затем на Украине – в городе Бердичеве*.

Отслужив четыре года, вернулся домой, продолжил работу на фабрике.

В 1962 году поехал в отпуск в Красноярск, там женился. Работал слесарем в речном порту, на заводе медицинских препаратов. Жили у родителей жены, своего жилья не было.

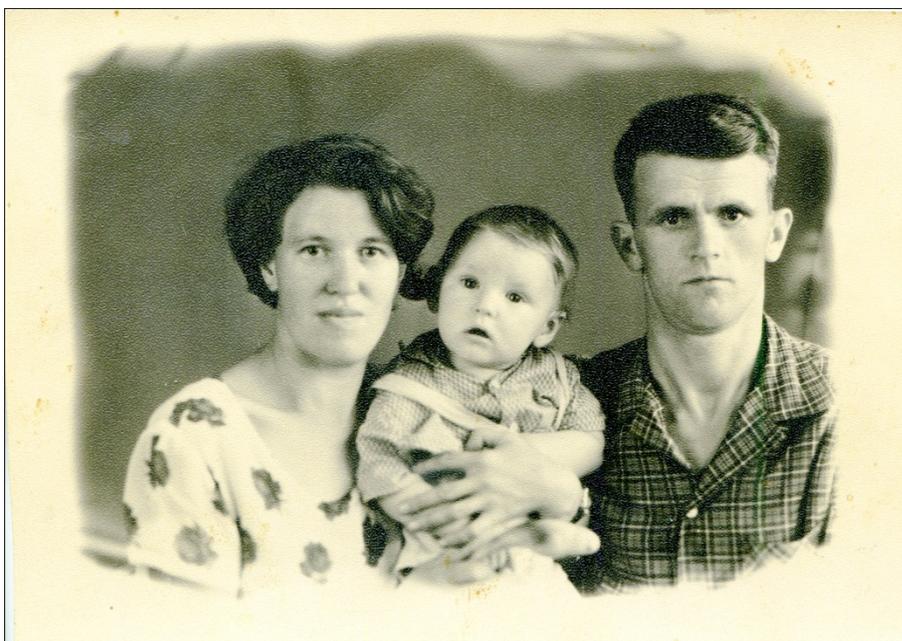
С трудом удалось вступить в жилищный кооператив, и в 1968 году получили двухкомнатную квартиру, за которую потом рассчитывались двадцать лет. Жили материально трудно, хотя брат и подрабатывал еще и на другой работе (неофициально). Растили двух сыновей,

Жена его, Антонина Петровна, была дочерью из семьи раскулаченных и высланных из села Ижувль* в Ярцево* Енисейского района.

Брат умер в 1995 году, не доработав даже до пенсии.

На фото ниже Виктор с женой Тоней и маленьким Серёжей, ему здесь девять месяцев. Снимок сделан в 1963 году.

В 1946 году я, самая младшая в семье, пошла в школу. Мне не было еще семи лет, а в то время обучение начиналась с восьми лет. Но я так хотела учиться: плакала, уговаривала мать, чтобы она отвела в школу. Тогда мать сказала: «Вот выкопаем картошку, тогда и пойдешь учиться». И в конце сентября отвела меня в школу в новом ситцевом платье. Для меня это была большая радость!

Хотя я и отстала немного от сверстников, но быстро догнала и даже перегнала своего брата Виктора. Он учился неважно, ленился, иногда сидел по два года в одном классе

(раньше это практиковалось часто).

В посёлке было две школы – начальная и средняя. Начальная находилась недалеко от дома, в старом обшарпанном бараке, там мы и учились с первого по четвёртый класс.

Зимой, в сильные морозы, не хватало дров для отопления школы – нас, детей, заставляли дрова на санках привозить.

Уроки не отменялись даже в пятидесятиградусные морозы. Я помню случай, когда, возвращаясь из школы, я обморозила лицо и руки. Дома меня спасали мать и сестра Аня.

Не было тетрадей, учебников. Писали в старых книгах между строк. В первом классе сами делали азбуку: шили из материи рамку с карманами, в которые вставляли буквы.

Порядки в школе были строгие. Учителя следили за стрижкой мальчиков. Бывали даже случаи, когда заросших ребяташек сам директор брил наголо, под смех всех детей. Проверяли чистоту рук и часто выгоняли с уроков за грязь.

Наказывали за непослушание во время уроков, иногда даже били линейкой по голове. В основном доставалось мальчикам, девочки были послушными.

С четвёртого класса уже сдавали экзамены в конце года, по результатам их переводили в следующий класс или оставляли ученика на осень. Если осенью ученик не сдал экзамен, то оставляли на второй год.

Результатом таких жёстких правил было то, что многие ученики бросали школу, отсидев по два-три года в одном классе (переростки, как их тогда называли).

Несмотря на тяжёлые послевоенные годы, в начальной школе в обед нам давали бутерброды с маслом и сахаром. А на новый год детям дарили подарки: в ситцевых маленьких мешочках – конфеты (цветной горошек). Это было новогоднее счастье!

С 5-го по 10-й класс учились в средней школе, которая находилась в центре посёлка, на горе. Так как мы жили на окраине, то ходили до школы минут пятьдесят. Школа была небольшая, деревянная, двухэтажная, без удобств, без воды. Учились в две смены.

Учителя были очень грамотные, многие – из бывших ссыльных или политзаключённых. К нам, ученикам, отношение было уже другое. Но строгие правила поведения сохранялись. На переменах не разрешали бегать,

прыгать, кричать. Мальчики-подростки в двенадцать-тринадцать лет уже начинали курить, что категорически запрещалось: проверялись карманы, выбрасывались папиросы, табак. Директор школы на переменах заходил в мужской туалет на улице и разгонял курящих. К нарушителям применялись жёсткие меры: вызывали родителей, иногда доходило даже до исключения из школы.

Из учителей запомнился Иван Максимович Ощепков: он был учитель от бога. Вёл арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, физику, астрономию. Жил один, без семьи. Е ему было лет 55 – 60. В школе находился с утра до позднего вечера. Зимой, в ясные, звёздные вечера, приглашал учеников изучать небесные светила. Мы его очень уважали.

Немецкий язык преподавала немка (из ссыльных с Поволжья). Учила нас не только грамматике, а и разговаривала с нами на немецком. Я до сих пор помню многие слова. А вот фамилию, имя и отчество учительницы, к сожалению забыла.

Физкультуру вёл Павел Фёдорович Климов. Сдавали нормы ГТО*: бегали, прыгали, метали диски, гранаты, стреляли ещё многое делали. А зимой, в любую погоду, даже в сорокаградусные морозы, бегали на лыжах на разные дистанции.

Ещё в 1939 году с 8-го по 10-й класс была введена плата за обучение. Правда, в 1956 году (в год моего окончания школы) платное обучение было отменено.

В четырнадцать лет нас стали готовить к вступлению в члены ВЛКСМ*. Вначале принимали самых хороших учеников, затем уже шли средние по успеваемости и поведению. Всё определялось характеристикой ученика, некоторым так и не удалось вступить в комсомол*, быть членом ВЛКСМ* тогда было очень почётно. Был случай в школе с одной ученицей 9-го класса: за потерю комсомольского билета ее исключили из школы.

В 1954 году, в 8-м классе, меня приняли в комсомол, а моей подружке Соне классная дама так и не дала характеристику, хотя она лучше всех в

классе училась.

Я училась в седьмом классе, когда 5 марта 1953 года умер И. В. Сталин. Мы были на уроке в классе, когда нам сообщили о смерти и даже разрешили всем сходить в школьный интернат и послушать радио (в школе радио не было). Все ученики вместе с учителями плакали! Затем мы снова вернулись в школу и продолжали плакать в классе, за партами.

Дома собрались соседи, все обсуждали сообщение о смерти И. В. Сталина. Я рассказала им о том, что мы всем классом плакали вместе с учителями. А соседка наша, тётя Таня Иванова, сказала мне «Ну и дура, что плакала». И сказала, что этот человек жестокий, из-за него пострадало много народа. «Да и твои родители – тоже жертвы репрессий!». И ещё на многое раскрыла мне глаза.

Татьяна Николаевна – это человек, умудрённый опытом. Хотя и малограмотная, но очень умная, прожила трудную жизнь. Работала в шахте. В 1953 году ей было лет 40 – 45. Труженик тыла, всю войну работала на производстве, а ночами шила на заказ одежду: фуфайки и прочее. Одна вырастила и выучила сына. Сын Алексей Васильевич, 1927 года рождения, отслужил в армии семь лет, в 1952 году приехал к ней в Соврудник*. Затем поступил в Красноярское музыкальное училище по классу баяна, успешно закончил его, женился, жил в Красноярске. Тётя Таня до 1962 года проживала на Севере, зарабатывала северную пенсию, а также обшивала весь посёлок на швейной машине «Зингер». А ещё держала огород, поросёнка, летом ходила с нами в лес по грибы, за ягодами. Я не помню, когда она отдыхала – она всегда была в работе. Одним словом – большая труженица!

Мы с ней дружили более пятидесяти лет, до самой её смерти. Заработав пенсию, она уехала в Алма-Ату, купила небольшой домик с садом. В 1987 году вернулась в Красноярск к сыну. Умерла в 2000 году в возрасте 92 лет.

В 1956 году я закончила 10 классов. 20 июня прошёл выпускной вечер, на который меня собирали все соседи. Тётя Таня Иванова сшила крепдешинное платье, а вот с обувью была проблема. Мы с мамой не могли купить туфли: не было моего размера. Выручила другая соседка, тетя Аня

Уфимцева: дала мне свои новые голубые клеёнчатые босоножки.

Выпускных было два класса. К сожалению даже не осталось снимка на память. Но осталась фотография школьных лет – встреча нового 1956 года.

В первом ряду в центре – классная руководительница Александра Ивановна (к сожалению, не помню фамилии). Во втором ряду в центре – учитель математики Иван Максимович Ощепков. Я стою рядом с ним (слева направо – четвёртая, цветном платье с белым воротником). Но это не весь десятый класс: мальчики отказались сниматься.

В нашей школе учился Ефим Белинский, в Великую Отечественную войну он повторил подвиг Александра Матросова, за что получил звание Героя Советского Союза. Пионерская организация школы носила его имя. В Красноярске есть памятник нашему земляку, в честь его названа одна из улиц города Красноярска.

После окончания школы я приехала учиться в Красноярск: здесь жила старшая сестра Анна. Вместе со мной приехали две подружки, и мы все жили у моей сестры. Между тем семья сестры в то время ютилась втроем на пятнадцати квадратных метрах с подселением, в деревянном доме, с печным

отоплением.

Поступила я в Красноярский лесотехнический техникум. После того, как первый год прожила у сестры, мне дали место в общежитии на улице Щетинкина.

В феврале 1959 года, успешно закончив техникум, получила направление а работу в Тасеевский* леспромхоз* треста «Кансклес». Работала в Лужковском* лесозаготовительном пункте десятником, помощником мастера, нормировщиком. Поступила учиться в Иркутский институт народного хозяйства на экономический факультет.

За время работы на лесозаготовительном пункте участвовала в общественной работе: была комсоргом* лесопункта, вела курсы политучебы*. Была награждена почётными грамотами Тасеевского* леспромхоза*. Тасеевского* райкома ВЛКСМ*, треста «Кансклес». Приглашали на работу в Тасеевский* райком комсомола. Но, отработав три с половиной года, я вернулась в Красноярск: было большое желание закончить институт. Работала в Сибирском научно-исследовательском институте лесной промышленности (СибНИИЛП). Начинала с должности лаборанта, затем работала младшим и старшим научным сотрудником. Закончила аспирантуру при институте. Работала в экономической лаборатории.

Работа была очень интересная, творческая, с частыми выездами в командировки. объездила почти все леспромхозы* края. Приходилось быть и в Иркутской, Читинской, Свердловской, Вологодской областях.

Работали над перспективой экономического развития лесной и деревообрабатывающей промышленности Красноярского края.

Разрабатывали технико-экономическое обоснование лесосводки и лесочистки ложа водохранилища Богучанской ГЭС. Был изучен опыт проведения таких работ в ложе водохранилищ Братской, Усть-Илимской и других ГЭС. С этой целью была проведена научная экспедиция по реке Ангаре совместно с учёными Москвы, Новосибирска (Сибирское отделение Академии наук СССР). Институт наш был инициатором и организатором этой экспедиции, а я была ее участницей.

В результате исследования был предложен новый способ проведения лесочистных работ в зоне затопления Богучанской ГЭС. Но этот метод был проигнорирован, и ложе ГЭС было затоплено неподготовленным.

В 1964 – 1965 годах изучали вопросы повышения эффективности лесного экспорта в Игарском* морском порту. В те годы поставкам лесоматериалов на экспорт в стране уделялось большое внимание. Ангарская лесная продукция пользовалась большим спросом на мировых рынках и оплачивалась в валюте. В порту Игарки* можно было увидеть морские суда из разных стран Европы.

На фото – Игарский* лесной порт, лето 1965 года. Я с сотрудниками СибНИИЛП, крайняя справа.

Участвовали мы и в оказании помощи предприятиям отрасли во внедрении передового опыта, новой техники, технологии и во многих других важных проблемах лесной отрасли.

В 90-е годы лаборатория занималась вопросами эффективности рыночных отношений отрасли, приватизацией предприятий и института СибНИИЛП.

В 1994 году я уволилась из-за развала института. Мой стаж работы в

лесной промышленности – 35 лет, а общий трудовой стаж – 42 года. Имею звание «Ветеран труда» федерального значения и «Ветеран института СибНИИЛП».

ВСТРЕЧА РОДНЫХ ЧЕРЕЗ 30 ЛЕТ

В 1960 году родителям впервые представилась возможность повидаться с родственниками. Летом отцу дали отпуск и родители стали собираться в дорогу, оставив дом, хозяйство, прополку картофеля на брата Виктора. Он в 1959 году вернулся из армии, работал и согласился домовничать*, хотя и неохотно, так как не любил заниматься прополкой картофеля, но ему помогли в этом соседи.

Из родственников за время проживания на спецпоселении связь у меня поддерживалась в основном с тётёй Лидой Стародумовой (Бронниковой). Тётя Лида писала письма, давно звала в гости, сообщала нам все новости о родственниках. Она и её брат Георгий Бронников с семьями давно переехали из Балахты* в село Ефремкино* Ширинского района Хакасии. В Балахте*, на родине отца, в то время оставался жить Николай Бронников (брат отца) с семьёй и сын Леонида Полежаева (урождённого Бронникова) – Федор Полежаев.

О судьбе старшей сестры отца Софьи известно, что она вышла замуж за поляка и уехала с ним на его родину. Там они с мужем умерли во время эпидемии.

В Ижуге* из родственников по материнской линии оставались брат Никита и сестра Елизавета. Судьба младшей сестры матери, Лукерьи Чанчиковой, была трагична. Во время войны она приехала в Красноярск, жила у родственников в Покровке*. Но за опоздание на работу в военное время её осудили, и она умерла в тюрьме от туберкулеза.

Встреча с родственниками состоялась в июле 1960 года в Ефремкино*. Было много радостей, слёз, воспоминаний. На память остались фотографии.

На фото родственники на крыльце дома тёти Лиды. В первом ряду

слева – Михаил, муж Марии Антоновны, Мария Антоновна (сестра отца от второго брака), дядя Гоша Бронников (брат отца) с внуком, отец мой с тётёй Лидой в обнимку, моя мама, сын тётёи Лиды Владимир Стародумов. Во втором ряду – Михаил Бронников (племянник отца). Клавдия Бронникова (жена Михаила) с сыном.

Все родственники съездили в город Черногорск* к Антону Даниловичу Данилову (второй муж Анастасии Кузьмовны Бронниковой – родной матери отца). После смерти жены Антон Данилович во время войны перебрался в Хакасию, женился, выстроил дом, развёл сад, устроил пасеку. В этом доме и теперь живут его младшие дочери.

В последние годы родные стали чаще встречаться. Где-то в 1969 состоялась встреча отца с братом Николаем и его семьёй. Встреча была в Красноярске, здесь жили его дети Иннокентий и Елизавета. Здесь же жили и все наши.

Николай Бронников умер и похоронен в Балахте*. Позже, где-то в 1973 году, отец вместе с его дочерью Елизаветой съездили в Балахту* на его могилу. Отец был доволен, что посетил кладбище: ведь там похоронены родители, другие родственники.

С тётёй Лидой тоже стали встречаться чаще. Семья Тулуниных с детьми не раз приезжала в Ефремкино* летом. Я с дочкой Катей тоже часто приезжала в гости, вместе с сестрой Нонной и её семьёй ездили отдыхать на озеро Шира*. А тётя Лида с мужем Георгием Стародумовым даже приезжали к родителям на Север, в Северо-Енисейск.

В 1975 году 20 мая умер отец. На похороны приезжали родственники из Красноярска: Анастасия Сергеевна Алёшкина и тётя Лида.

После смерти отца, в 1975 году, мать переехала жить в Красноярск. Тётя Лида часто приезжала к ней в гости и обязательно навещала всех родственников в городе.

Надо отдать должное тётё Лиде: она одна поддерживала родственные связи со всей роднёй. После смерти мужа Георгия она продала дом в Ефремкино* и уехала жить к дочерям в Омск. Она и там нашла родственников брата Леонида Полежаева. Наша семья благодарна тётё Лиде за восстановление родственных связей: ведь живя в ссылке, мы были лишены всего этого.

В 1964 году состоялась встреча и с родственниками по материнской линии: с братом Никитой Чанчиковым и его детьми. Встреча произошла в Красноярске, в квартире старшей сестры Анны Тулуниной на улице «Красноярского рабочего»*, где они получили в 1963 году две комнаты в трёхкомнатной квартире с подселением.

На снимке слева направо: первый ряд – брат матери Никита Чанчиков, мама, сводный брат мамы Николай Чанчиков, невестка дяди Никиты с племянником, жена моего брата Виктора – Тоня Зубрицкая с сыном Сергеем. Второй ряд – сын Никиты Естифьевича, Анна Тулунина, зять Никиты Чанчикова.

После ухода старшего поколения родных мы, дети их, продолжаем родственные связи, правда, к сожалению, уже и многие двоюродные братья и сёстры умерли. Но с теми, кто остался,

поддерживаем отношения, по возможности встречаемся.

После выхода на пенсию стали чаще общаться и ездить в гости. В 1999 году я была в гостях в городе Омске. Там живут двоюродные сёстры Нонна Фефелова и Людмила Стародумова (дочери тёти Лиды Стародумовой) и двоюродный брат Борис Осипов.

На снимке, приведённом ниже, мы с Нонной в гостях у Бориса (город Омск, 1999 год).

В 2004 году сестра Нонна приезжала ко мне в Красноярск. На фото ниже – моя дочь Екатерина, я, моя внучка Лизанька, сестра Нонна.

В 2006 году Борис и Нонна были у меня в гостях. Снимок сделан на квартире у Виды Бронниковой (вдовы Иннокентия Николаевича Бронникова). На

фото – Борис Осипов, я и Нонна.

А ещё встречаемся с родственниками, живущими в посёлке Шира*, когда приезжаем отдыхать на лечебное озеро Шира*. Там живёт семья двоюродного племянника Николая Михайловича Бронникова. Мы с Нонной не раз отдыхали на озере и жили у них. На фото – отдых на озере. Слева направо – я, Нонна, Коля Бронников, Николай Михайлович Бронников, Лена Бронникова (жена Николая). Снимок 2000 г., озеро Белё*, Хакасия.

ПОЕЗДКА НА МОГИЛУ В БРЯНСК

В 1967 году мы с отцом поехали искать могилу старшего брата Николая. (Как я писала ранее, брат умер в госпитале № 3010 города Брянска в 1946 году). До Москвы летели на самолёте, а далее на поезде до Брянска. В Москве отец был

впервые, в нашем распоряжении был целый день. Посетили Красную площадь, Кремль, отстояли очередь в Мавзолей, прокатились на теплоходе «Ракета» по Москве-реке.

В Брянске устроились в гостинице, поехали искать могилу брата. В похоронке было сообщено: «Похоронен на ст. Брянск-1, Сухарый завод в 50-ти метрах от железнодорожного пути». Нашли кладбище, но могилу не обнаружили. К нашему огорчению, кладбище было закрыто: на этом месте предполагалось строительство танцплощадки. На местах захоронений бегали ребятишки, пинали кости, черепа мёртвых. Мы с отцом сели на бугорок и заплакали.

Обратились в райисполком Володарского района. Нам сообщили, что после закрытия кладбища останки воинов были перезахоронены в братскую могилу в сквер Володарского района города Брянска. Нашли мы этот сквер, братскую могилу, но на обелиске фамилии брата не было. Нам обещали внести фамилию брата на обелиск.

Познакомили нас с музеем боевой славы при школе № 34 города Брянска. Ученики школы бережно хранят память воинов, ухаживают за воинскими могилами. Долгое время мы с ними переписывались, они всегда нас приглашали на день Победы, поздравляли с праздниками.

Мы нашли госпиталь, где умер брат, опросили многих работников госпиталя, узнали фамилию врача, делавшего операцию. К сожалению, врач живёт в Москве, персонал за это время сменился. Удалось, правда, отыскать медицинскую сестру, которая работала в то время, и поговорить с ней. Она вспомнила одного солдата с распухшей шеей, с высокой температурой. Похоже, что это был наш Николай: по словам врачей, это симптомы болезни, от которой умер брат – лимфогранулематоза.

Посетили мы и воинскую часть, где служил брат, но штат полностью сменился, и мы ничего не смогли узнать.

В 1973 году мне удалось ещё раз побывать в Брянске. Я убедилась, что фамилия нашего брата внесена на обелиск.

ЗАТОПЛЕНИЕ МАЛОЙ РОДИНЫ

За время нашего проживания водителей на Севере на малой родине произошли большие перемены. В 1957 году началось строительство крупнейшей в мире Красноярской ГЭС мощностью 6 миллионов киловатт и города Дивногорска*. Новосёловский* район попал под затопление. В 1960 году, когда встретились родные после тридцатилетней разлуки, малая родина уже готовилась к великому переселению. Люди не хотели уезжать с обжитых мест. А места там были красивые и богатые. В Енисее водилось много рыбы, на островах было много ягод, грибов, дичи. Многие стали уезжать в другие места: в Ермаковское*, в Хакасию.

Более сотни старинных сёл и деревень, лежащих на прежних берегах Енисея между Абаканом и Дивногорском*, были снесены. Вместо них на новых берегах появились новые посёлки и приморские города.

Теперь на месте села Ижувль* построен новый крупный посёлок – Приморск*, в будущем приморский город и порт. Он находится в 140 километрах от Красноярска. Всего в зону затопления Красноярской ГЭС небольших сел и деревень попало 132.

В июле 1957 года я была в посёлке Скит* (ныне город Дивногорск*) на практике по геодезии и таксации. Это было небольшое монашеское поселение. Жили мы там в двухэтажном деревянном здании (бывшая церковь) на окраине посёлка. В посёлке было много молодёжи. Со всего Союза приехали строители: ведь строительство Красноярской ГЭС было объявлено ударной комсомольской стройкой. Была всего одна столовая в центре, недалеко от пристани Скит*, здесь же была открытая танцплощадка, куда мы бегали на танцы. Ещё запомнилось, что от комаров не было спасения. А в столовой хлеб и чай были бесплатные. Для нас, студентов, это было спасение от голода, мы даже брали хлеб домой и съедали после танцев.

На фото девчонки-однорукницы* на берегу Енисея, рядом пристань Скит*. Я стою во втором ряду, крайняя справа. Теперь на этом месте новая пристань Дивногорск*.

Затопление родных мест родители тяжело переживали: там остались могилы родных, там прожиты молодые годы. Но возвращаться туда уже не было смысла, и родители остались жить на Севере. Прожили они там с 1930 года по 1975 год, отец проработал в системе золотодобывающей отрасли 45 лет. Умер он в 1975 году в Северо-Енисейске, мама умерла в 1991 году в Красноярске.

К сожалению, родители не дожили до выхода Закона Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий», ушли с тяжёлым грузом ложной виновности.

РЕАБИЛИТАЦИЯ

На основании пункта «В» статьи 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» наша семья реабилитирована. Мы, дети, рождённые в ссылке, тоже получили, наконец, реабилитацию.

Согласно решению комиссии по вопросам жертв политических

репрессий при администрации Новосёловского* района Красноярского края за № 01 от 14 сентября 2000 года на основании пункта 8 Положения Правительства Российской Федерации от 12 августа 1994 года № 926 произведена выплата денежной компенсации в сумме 8349 рублей, то есть в 100-кратном размере минимальной оплаты труда – за утраченные дом и имущество. (См. приложение № 6).

Хотя, согласно вышеуказанному положению, реабилитированным лицам положено возвращение стоимости жилого дома в сумме 100 минимальных размеров оплаты труда и за конфискованное имущество – возмещение его стоимости, но только в сумме, не превышающей 40 установленных законом минимальных размеров оплаты труда.

Получается, что нам ничего не вернули за утраченное имущество, хотя факт конфискации имущества был установлен в судебном порядке. (См. приложение № 2).

А в 2009 году вышел закон Красноярского края № 9-3683 от 08 октября 2009 г. «О порядке принятия на учёт и обеспечения жилыми помещениями реабилитированных лиц, утративших жилые помещения в связи с политическими репрессиями, и членов их семей в случае возвращения на прежнее место жительства в Красноярский край». Законом предусмотрено обеспечение жилыми помещениями реабилитированных лиц, членов их семей, утративших в связи с политическими репрессиями жилые помещения на территории Красноярского края и возвратившихся для проживания в те местности и населённые пункты Красноярского края, где у них или членов их семей, утрачено имущество.

Действие закона края также распространяется на детей, родившихся в местах лишения свободы, в ссылке на спецпоселении при отбывании наказания репрессированными по политическим мотивам лицами, впоследствии реабилитированными.

В 2010 году я обратилась в министерство социальной политики Красноярского края по данному вопросу от моего имени и имени моей сестры (я являюсь её опекуном). Моя сестра, 1934 года рождения, – инвалид

первой группы с детства. Своего жилья у неё нет, после смерти матери в 1991 году она живёт у меня.

Но мне отказали в постановке на учёт и в обеспечении жильём моей сестры – инвалида первой группы, мотивируя это тем, что мы не попадаем под основное требование Закона края (обязательность возвращения на прежнее место жительства, то есть в село Ижувль* Новосёловского* района). Это была отписка министерства. Специалисты даже не поняли того факта, что нам некуда было возвращаться, так как Новосёловский* район попал в зону затопления строящейся Красноярской ГЭС!

Я обращалась с этим вопросом к уполномоченному по правам человека в Красноярском крае. Он полностью согласен со мной, но спорить с министерством социальной политики не было смысла.

Можно было обратиться в Европейский суд по правам человека о возмещении морального и материального вреда в результате политических депрессий, как это многие и сделали, но я не стала никуда обращаться.

ЛИХИЕ 90-Е ГОДЫ

Наступили лихие 90-е годы. Многие предприятия закрылись, люди оставались без работы, от отчаяния пошли на рынки торговать китайским ширпотребом*. До полугода и более замораживалась зарплата.

Это коснулось и отраслевой науки, в которой я отработала 32 года. Прекратилось финансирование из бюджета министерства. Работы по хоздоговорам с леспромхозами* и другими предприятиями тоже остановились, так как сами они или закрывались, или кое-как держались на плаву – им было не до науки.

Институт стал разваливаться на глазах, в поисках работы люди увольнялись. Учёные мужи пошли работать сторожами, кочегарами, женщины отправились на рынки.

Ушла и я из института – за год до выхода на пенсию. Но сидеть без работы я не имела права: у меня была ещё дочь – студентка мединститута и

сестра – инвалид детства первой группы с мизерной пенсией.

Работала страховым агентом, торговала на рынке. Затем удалось устроиться в фирму экономистом, но и там были свои проблемы: задержки зарплаты и др. Началось сокращение штата. Доработав до пенсии, пришлось уволиться. Устроилась бухгалтером в садоводческом обществе с низкой зарплатой, подрабатывала в других местах.

Была одна отдушина – дача, где я выращивала овощи, ягоды, картофель.

В 1995 году дочь закончила институт, вышла замуж за однокурсника, стали они работать в медицине. Родилась внучка – наша радость и надежда.

Так что поколению сороковых – пятидесятих годов тоже выпала нелёгкая доля выживания: безработица, безденежье, отчаяние.

ВЫВОДЫ

Достоверные факты истории родственных семей говорят о трудной жизни людей старшего поколения. Семья деда была выслана при царе в Сибирь. Здесь деда привлекли сибирские просторы, обилие незанятых земель. Семья любила работать на земле, выращивать хлеб, ухаживать за животными. Излишки хлеба продавались по сходным ценам в селе и в городе. До 30-х годов трудолюбивые крестьяне на селе жили хорошо, не знали голода и холода.

Но государство не устраивало единоличное ведение хозяйства на селе. Началась компания по образованию колхозов, раскулачивание зажиточных крестьян, в том числе наживших своё хозяйство собственным трудом. А что получилось после 1930 года? Люди не хотели идти в колхоз, скотина, отобранная у кулаков, погибла, земля осиротела, стала зарастать бурьяном.

Прошло немало времени, пока колхозы окрепли. Но впереди были не менее трудные времена. Началась война 1941 – 1945 годов. Снова потери, испытания, голод и холод. Победа далась советскому народу тяжело. Огромную роль сыграл самоотверженный труд в тылу. «Всё для фронта, всё для победы» – под этим лозунгом работало всё трудоспособное население и даже дет-подростки. Трудились все военные и первые послевоенные годы без выходных, без отпусков. А оплата за этот труд была очень низкая, на Севере даже не начислялся районный коэффициент. Не было доплат за сверхурочные работы, премий – только голый тариф.

Кроме того, была введена система государственных займов. Более десяти лет люди подписывались на заём, а в итоге его заморозили и практически ничего не выплатили, так как выигранные облигации оплачивались по номиналу прошлых лет.

Государство не вернуло народу и долги 90-х годов, когда обесценились вклады и другие сбережения. Пока что населению возвращено чуть больше, чем 0,5% реальной суммы вкладов. Государство не возместило ущерб

пострадавшим от политических репрессий. Закон «О реабилитации жертв политических репрессий», к сожалению, вышел уже после ухода из жизни пострадавших. Но живы ещё их дети. А ведь многие не могли доказать свою невиновность: как правило, никаких документов на руках у пострадавших не было, а архивы КГБ* были уничтожены.

Наступили «лихие» 90-е годы: развал СССР, остановка многих заводов, фабрик. Развалились, как неэффективные колхозы и совхозы. Земля стала зарастать бурьяном. И снова был взят курс на фермерское ведение сельского хозяйства, то есть на возврат к старым методам.

Список использованной литературы

1. *Осипов Б. И.* История СССР в семейных фотографиях. Омск, 2011. (Народные мемуары, выпуск VII).
2. Автобиографические записки сибирского крестьянина В. А. Плотникова. Омск, 1995. (Народные мемуары, выпуск I).
3. Советский энциклопедический словарь. 4-е издание. М., Советская энциклопедия, 1989.
4. История советской правоохранительной системы в мемуарах юриста С. А. Мордвинова. Омск, 2012. (Народные мемуары, выпуск VIII).
5. По Енисею: Красноярск – Шушенское: Туристская схема, М., 1970.
6. , М., 1970.

Приложения

КРАСНОЯРСКИЙ
РАЙОННЫЙ СОВЕТ
РАБОТНИКОВ И ДЕПУТАТОВ
ПОЛНОМОЧЕННЫЙ
КОМИТЕТ

13 05 94
83

Уч. № 141
Новосёловского района
Красноярского края

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
г. Красноярск, 660112
ул. Воронова №7 кв. 19.
ЗУБРИЦКОЙ Л.К.

Новосёловский райгосархив Новосёловского района,
Красноярского края на Ваш запрос сообщает, что в доку-
ментальных материалах архивного фонда "Новосёловский
райисполком" в списках граждан лишённых избирательных
прав встречаются сведения следующего содержания:

- ПОТЫЛИЦЫН Иван Антонович, гл. 30 лет, лишён избирательных прав за
эксплуатацию раб. силы; -
- ПОТЫЛИЦЫНА Зиновья Григорьевна, жена, 41 год, - как иждивенка Потыли-
цына Ивана А.
Основание: Справка с/С №3 от 20 мая
1930г. Проживали в с. Ижуйль, Ижуйль-
ского с/Совета.
- ЗУБРИЦКИЙ Константин Сергеевич, мужск, 18 лет, - как иждивенцы
ЗУБРИЦКИЙ Михаил Денисович, мужск, 67 лет, ПОТЫЛИЦЫНА Ивана.
Справка с/С №3 от 20.05.30г. с. Ижуйль.
- ЗУБРИЦКИЙ ГАВРИИЛ ДЕНИСОВИЧ - гл, 56 лет - за эксплуатацию раб. силы,
и перепродажу хлеба.
Справка с/Совета №3 от 20 мая 1930г.
с. Ижуйль, Ижуйльского с/Совета.
- ЗУБРИЦКИЙ КОНСТАНТИН Гаврилович, мужск, 27 лет - как иждивенцы
ЗУБРИЦКАЯ АНТОНИНА В. жен, 27 лет ЗУБРИЦКОГО ГАВРИИЛА.

Других членов семьи в списках не указано.

Так же сообщаем, что описи имущества граждан лишённых изби-
рательных прав в документах архивного фонда нет. Новосёловский
райгосархив такими сведениями не располагает.

Основание: Фонд № Р-1, опись №2, дело №36;

Заместитель
главы администрации
Зав. архивным отделом

Н. И. Миронов
Г. С. Козина

могли находиться на индивидии у отца.

Данный факт опровергается также показаниями свидетелей: Зубрицкой А.П., 1914г.р. и Бронникова М.И., 1926г.р.

Зубрицкая А.П., не являющаяся родственницей заявительницы, пояснила, что ее родители сначала жили в доме Зубрицкого Константина, а затем отделились, построили дом рядом в той же же огороде. Имелось надворные постройки, скот.

Бронников М.И. со слов своего отца знает, что Зубрицкий Константин в с.Икуль строил свой дом. Отец Бронникова М.И. помогал ему строить дом, об этом факте помнит сам свидетель.

У суда нет оснований не доверять показаниям свидетелей. Представитель администрации Новоселовского района Красноярского кр. не соглашаясь с заявлением ссылается на то, что имущество принадлежало делу заявительницы, однако, никаких документов в подтверждение данного факта не представлено.

На основании изложенного, суд находит заявление обоснованным и подлежащим удовлетворению.

Руководствуясь ст. 1912197 ГК РСФСР, суд

решил:

Установить факт конфискации у родителей Зубрицкой А.М. и Константиновны: Зубрицкого Константина Гавриловича, Зубрицкой Антонины Ефимовны, проживавших в с.Икуль Новоселовского района Красноярского кр. при "раскулачивании", следующего имущества: дома бревенчатого с надворными постройками: баней, амбаром, летней кухней, стайками, конюшней; сенокосилки, плуга, борона, гумна, 15 коров, 10 нетелей, 30 лошадей, 20 овец.

Решение может быть обжаловано в Красноярский краевой суд в течение 10 дней.

Председательствующий:

Решение вступило в законную силу 7.01.2000 г.

Копия верна

Председательствующий

МОТЫГИНСКИЙ
ОБЪЕДИНЕННЫЙ
районный военный
комиссариат

„16“ Ноября 1967г.

№ 3/1567

г. Мотыгинск
Красноярского края

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Гр. ЗУЕРИЦКОЙ АНТОНИНЕ ТИХОНОВНЕ

пос. Северо-Енисейск
Красноярского края
ул. Мичурина 10

Копия:

ЗУЕРИЦКОЙ ЛИДИИ КОНСТАНТИНОВНЕ

г. Красноярск-21
ул. Обороны 15 кв. 8

По сообщению Главного Управления кадров сообщая;
что ЗУЕРИЦКИЙ Николай Константинович 1926 года рождения
был награжден медалями: 1/. "За Отвагу" 22.04.1945 г.
и "За боевые заслуги" 2 мая 1945 г. Обе награды ему были
вручены. Куда были отправлены награды после его смерти нам
неизвестно, так как по архивным документам Северо-Енисейского
райвоенкомата они на хранение в райвоенкомат не поступали.
По вопросу назначения пенсии родителям следует обратиться
в ноябре, декабре в райвоенкому, когда он будет в Северо-
Енисейске в поссовете.

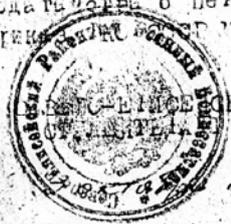
ВОЕННЫЙ КОМИССАР
МОТЫГИНСКОГО ОБЪЕДИНЕННОГО РАЙВОЕНКОМАТА
ПОДПОЛКОВНИК- *Васильев* - /ЩУКИН/

ИЗВЕЩЕНИЕ

Выт сын Зубрицкий
муж, сын, без всякого звания.

Николай Константинович

Уроженец Брянской области, г. Брянск, внучатый племянник, после долговременной болезни и проведенной операции умер 13/10-1946
в ст. Брянск I. Сударинский завод в 50 м. от железнодорожной
стоящее извещение является документом для возмуждения
когда-либо о нем.

С. И. ИВАНОВ
1946

1-й ПОЛК 1-й АРМИИ

Гр-ну Зубрицкому Константину
Тавриловичу

Брянская часть
Полевая почта
— 41658 —
20 ноября 1946 г.
№ 21/11

По Вашему письму от 13.10.46 г.
сообщаю, что Ваш сын Зубрицкий
Николай Константинович умер по
причине воспаления горла и проведе-
нием по этому случаю операции.

Личные вещи принадлежавшие ему оставлены
в Воен. госпитале № 3010 г. Брянск
куда и обращайтесь.

Награды его высланы по север. Енисейский
Райвоенкомат.

Начальник штаба
Майор Александр / Попов /

2/11

1111 5

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

МВД—СССР
группа «Бинсейзолото»
Северо-Бинсейское золотопринское управление

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

За достигнутые высокие производственные показатели в социалистическом соревновании в дни выполнения постановления ЦК ВКП(б) и Совета Министров СССР о пятилетке в четыре года

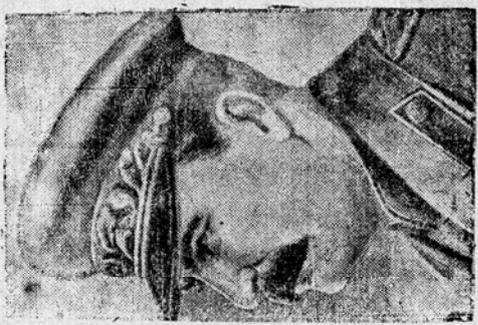
представителю группы *Железнодорожники Гавриловский*

НАГРАЖДАЕТСЯ ПОЧЕТНОЙ ГРАМОТОЙ.

Гавриловский (ПАВЛОВСКИЙ)
Гавриловский (ОМЕТОВ)

14. 1954

„Рабочие, крестьяне, советская интеллигенция! Боритесь за выполнение и перевыполнение пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства, за дальнейшее повышение материального и культурного уровня жизни народа!“

01086

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ
АДМИНИСТРАЦИЯ
НОВОСЕЛОВСКОГО РАЙОНА
КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

662430, с.Новоселово, Ленина, 9

Телефон 9-13-51

14.09.2000 № 01

На № _____

660112, г. Красноярск-112
ул. Воронова, 7 кв. 19
Зубрицкой Лидии
Константиновне

Р Е Ш Е Н И Е

комиссии по вопросам жертв политических репрессий при админист-
рации Новоселовского района

В соответствии с Положением Правительства Российской Федера-
ции от 12 августа 1994 года № 926, утвердившим порядок возврата
гражданам незаконно конфискованного, изъятого или вышедшего иным
путем из владения в связи с политическими репрессиями имущества,
возмещения его стоимости или выплаты денежной компенсации на осно-
вании п. 8 указанного Положения произвести выплату денежной ком-
пенсации Зубрицкой Лидии Константиновне в сумме 8349 рублей, т.е.
в 100 кратном размере минимальной оплаты труда за утраченное
дом и имущество.

Председатель комиссии

Секретарь комиссии

Н.И. Миронов

П.А. Лунь

Комментарий

Редкие, устаревшие и диалектные слова

бо́ны (спец.) – временные бумажные денежные знаки местного обращения.

голи́к (диал.) – веник из голых (без листвы) прутьев.

бу́рки (диал.) – тёплые высокие сапоги из войлока или фетра, на кожаной подошве.

ВЛКСМ, комсомол (устар.) – Всесоюзный Ленинский коммунистический союз молодёжи, молодёжная организация Коммунистической партии Советского Союза.

ГТО (спец.) – «Готов к труду и обороне СССР», оборонно-сортивный комплекс, существовавший в Советском Союзе. В 2014 г. предпринята попытка его возрождения в постсоветской России.

домовни́чать (диал.) – оставаться присматривать за домом и домашним хозяйством в отсутствие хозяев.

дра́га (спец.) – плавучее горнообогатительное сооружение, предназначенное для разработки крупных россыпей золота и других драгоценных ископаемых.

ЗИЛ (спец.) – марка автомашины Московского автозавода им. Лихачёва (бывш. завод им. Сталина, см. **ЗИС**).

зи́мник (диал.) – дорога, по которой ездят только зимой.

зимо́вье (диал.) – зимняя изба, у которой зимой кормят скот, держат телят, овец, делают различные хозяйственные работы.

ЗИС (устар.) – марка автомашины Московского автозавода им. Сталина (позднее завод им. Лихачёва, см. **ЗИЛ**).

КГБ (устар.) – Комитет государственной безопасности СССР.

ке́ренки (устар.) – первоначально название бумажных денег, выпущенных в 1917 году Временным правительством А. Ф. Керенского. На советские деньги военного и послевоенного времени это название было перенесено ввиду их обесценивания, поскольку исторические керенки имели

очень низкую покупательную способность.

комсо́рг (устар.) – первоначально комсомольский организатор, руководитель комсомольской организации (см. *ВЛКСМ*), назначавшийся вышестоящим комсомольским органом. С изменением устава комсомола и введением выборности руководителей комсомольских организаций этим словом стали называть секретаря первичной организации ВЛКСМ.

крупча́тка (устар.) – белая пшеничная мука высшего сорта.

леспромхо́з (спец.) – предприятие министерства лесной промышленности СССР, занимавшееся заготовкой и транспортировкой (в частности, сплавом) древесины.

политучёба (устар.) – политическая учёба, проводившаяся партийными и комсомольскими активистами и обязательная для посещения всеми работающими в советский период.

пуши́на (диал.) – здесь: домашние животные, выращиваемые для получения меха (кролики, нутрии).

райпотребсою́з (устар.) – районный союз потребительских обществ, торгово-кооперативная организация в советский период.

«Сортсемовощ» (спец.) – организация, занимавшаяся заготовкой, сортировкой и продажей сортовых семян овощных и плодовых культур.

ссы́льные поля́ки (устар.) – участники восстания 1863 – 1864 гг. за независимость Польши, сосланные после его подавления царским правительством на поселение в Сибирь. Их потомки и в настоящее время проживают во многих местах Сибири.

ста́йка (диал.) – хлев, надворная постройка для скота.

трудпосёлок (устар.) – барачный посёлок для ссыльнопоселенцев. В Северо-Енисейске было на окраине селения.

ФЗО (устар.) – школа фабрично-заводского обучения, форма подготовки рабочих кадров в 30 – 50-е годы.

черемша́ (диал.) – травянистое растение *Allium ursinum*, дикий чеснок (в других говорах называется *колба́*).

чирки́ (диал.) – башмаки.

широпотрѐб (устар.) – товары широкого потребления. Ввиду постоянно низкого качества этих товаров в нашей стране это слово приобрело пренебрежительный оттенок.

Географические названия

А́чинск – город, районный центр в Красноярском крае, на реке Чулым, железнодорожный узел на Транссибирской магистраль.

Балахта́ – рабочий посёлок, районный центр в Красноярском крае.

Белё – озеро в Ширинском пайоне Хакасской республики.

Берди́чев – город, районный центр в Житомирской области Украины и железнодорожный узел.

Бийск – город, районный центр в Алтайском крае и пристань на реке Бия.

Бики́н – город, районный центр и железнодорожная станция в Хабаровском крае, в долине реки Бикин.

Бря́нка – рабочий посёлок в Северо-Енисейском районе Красноярского края, пристань на реке *Большой Пит* (см.).

Большо́й Пит – река, правый приток Енисея, судоходен от пристани *Брянка* (см.).

Дивногóрск – город и железнодорожная станция в Красноярском крае, на реке Енисей, возник со строительством Красноярской ГЭС. См. *Скит*.

Дуды́нка – город, центр Таймырского автономного округа Красноярского края, железнодорожная станция и морской порт в низовьях Енисея.

Енисе́йск – город, районный центр в Красноярском крае и пристань на реке Енисей.

Ермако́вское – село, районный центр в Красноярском крае.

Ефре́мкино – село в Ширинском районе Хакасской республики.

Ига́рка – город в Красноярском крае, морской порт в низовьях реки Енисей.

Ижу́ль – село в Новосёловском районе Красноярского края. Затоплено в 60-х годах при создании Красноярского водохранилища.

Карау́льно-Острóжская церковь – церковь в Новосёловском районе Красноярского края, в настоящее время затоплена Красноярским водохранилищем.

«Красноярский рабочий» – краевая газета, в советские годы орган Красноярского краевого комитета КПСС и краевого Совета народных депутатов. В СССР существовал обычай называть в честь партийных газет и улицы (ср. улицу «Правды» в Москве).

Ку́шма – заготовительный участок в Северо-Енисейском районе Красноярского края, где в летнее время заготавливался корм для лошадей.

Лужки́ – рабочий посёлок в Тасеевском районе Красноярского края.

Маковское – село в Енисейском районе Красноярского края.

Новосёлово – районный центр в Красноярском крае и пристань на Красноярском водохранилище.

Нори́льск – город в Красноярском крае, возник в 1935 г. в связи со строительством горно-металлургического комбината, железнодорожная станция.

Подóльск – город и железнодорожная станция в Московской области, местонахождение архива министерства обороны СССР и Российской Федерации.

Покрóвка – микрорайон города Красноярска.

Примóрск – рабочий посёлок и пристань в Новосёловском районе Красноярского края.

Се́веро-Енисе́йский – рабочий посёлок, районный центр в Красноярском крае. См. также *Соврудник*.

Ски́т – монашеское село и пристань на реке Енисей, сейчас на его месте построен город *Дивногорск* (см.).

Совру́дник – старое название посёлка *Северо-Енисейский* (см.).

Сыры́ – посёлок в Балахтинском районе Красноярского края.

Тасе́ево – село, районный центр в Красноярском крае.

Тейково – город, районный центр в Ивановской области.

Черногорск – город и железнодорожная станция в Хакасской республике.

Шира́ – целебное озеро и одноимённый рабочий посёлок, районный центр в Хакасской республике.

Ярцево – село в Енисейском районе Красноярского края.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

МЕМУАРЫ Л. К. ЗУБРИЦКОЙ И ИХ МЕСТО В СЕРИИ

«НАРОДНЫЕ МЕМУАРЫ».....	6
О серии «Народные мемуары» и о её X выпуске.....	6
Воспоминания Л. К. Зубрицкой с историографической и филологической точек зрения.....	9
Подача текста в публикации.....	15

«ОТЕЦ МОЙ БЫЛ ПРИРОДНЫЙ ПАХАРЬ...»

(К истории коллективизации в Сибири)

Предисловие автора	20
Родословная семьи	21
Раскулачивание	23
Село Маковское Енисейского района	26
Город Енисейск	27
Спецпоселение	28
Война 1941 - 1945 г.г. в истории семьи	31
Работа отца в военные и послевоенные годы	35
Хлебные карточки и их отмена.....	38
Денежная реформа, государственные займы	39
Гуманитарная помощь	40
Долгожданная свобода	41
Дети: образование, работа	41
Встреча родных через 30 лет	51
Поездка на могилу в город Брянск	55
Затопление малой родины	57
Реабилитация	58
Лихие 90- е годы	60
Выводы	62

Список использованной литературы.....	64
---------------------------------------	----

ПРИЛОЖЕНИЯ

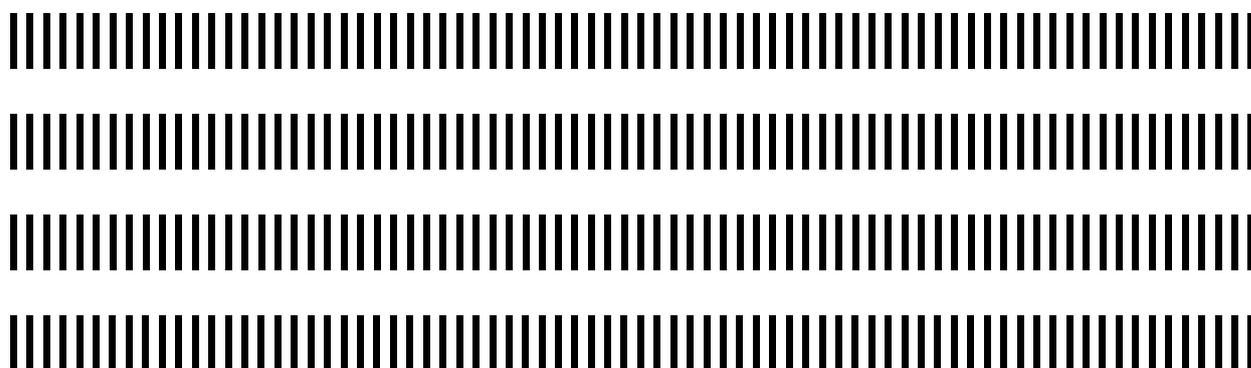
Приложение № 1 Справка Новоселовского райгосархива.....	66
Приложение № 2 Решение Свердловского райсуда г.Красноярска о установлении Факта конфискации имущества родителей при раскулачивании в 1930 году	67
Приложение № 3 Сообщение Главного управления кадров о награждении Зубрицкого Н. К.	69
Приложение № 4 Извещение о смерти Зубрицкого Н.К. и письмо-ответ из в/ч 41658 о причине смерти	70
Приложение № 5 Почетная грамота Зубрицкому К.Г. от 14 февраля 1948 г. за выполнение Сталинской пятилетки в 4 года.....	71
Приложение № 6 Решение администрации Новоселовского района Красноярского края о выплате денежной компенсации	72

КОММЕНТАРИЙ

Редкие, устаревшие и диалектные слова.....	74
Географические названия.....	76

**Народные
мемуары
X**

**Судьбы раскулаченных семей
в мемуарах Л. К. ЗУБРИЦКОЙ
«Отец мой был природный пахарь...»
(К истории коллективизации
в Сибири)»**

ОМСК - 2015